

A detailed illustration of a female elf with large, dark, branching antlers. She has pale skin, pointed ears, and light blue eyes. Her hair is a mix of white and pink. She is wearing a pink flower on her chest. The background is a soft, ethereal blue and white with a misty, forest-like atmosphere.

Ким Публицкий

ТАЁЖНЫЙ ДЬЯВОЛ

ХРАНИТЕЛЬ ЧАЩИ

Ким Публицкий

Таёжный дьявол. Хранитель чащи

«Издательские решения»

Публицкий К.

Таёжный дьявол. Хранитель чащи / К. Публицкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935028-2

Частный детектив Степан Серебряков под видом журналиста местечковой газеты отправляется в аномальную зону тайги выяснять причины людских исчезновений. В ходе расследования он встречает таинственных животных, находит загадочное племя дикого лесного народа и даже обретает запретную любовь. Степан не подозревает, какие за всем этим кроются опасности. Ужасные тайны скрывает в себе коварная чаща. Они обещают принять непоправимые последствия, стать началом конца всех живущих за полярным кругом народов.

ISBN 978-5-44-935028-2

© Публицкий К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть первая Земли холода	7
Глава 1. Стойбище кочевников	7
Глава 2. Мистические истории	27
Глава 3. Загадочная встреча	41
Часть вторая Лесная мгла	55
Глава 4. Тесное знакомство	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Таёжный дьявол. Хранитель чащи

Ким Публицкий

© Ким Публицкий, 2018

ISBN 978-5-4493-5028-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Совершенно невозможно остаться равнодушным к тому, кто поведаёт свою историю, и не просто случай или повесть нескольких лет, а историю всей жизни. Летопись предначертанной судьбы и тот путь, при котором она написана. Рассказ о росте, обучении, совершении ошибок, о принятии непростых решений. Достижении успехов, радостей побед, горечи утрат и поражений. Как кто-то стал таким какой он есть и как, и благодаря чему изменился. Всё это как ничто другое хватает за душу, несомненно, увлекает, особенно если, совершая поступки, повествование ведёт не человек.

Я начну историю как это полагается не с главного героя, а скорее с соучастника, чтобы читатель вместе с ним по-особенному разделит наступление значимых событий. Пусть этот наблюдатель станет окуляром в мир грёз, ставших ему видением реальности. Подобно путешественнику читатель окунётся в приключения созерцателя, находясь рядом с ним, словно спутником и через него представит всю тамошнюю действительность.

Надеюсь, что даже самый въедливый критик простит мою смелость предложить стиль повествования, выдержанный в излишне велеречивых тонах, броскую детализацию и, возможно, чрезмерную возвышенность и медлительность. Я понадеялся, что это благодушно сыграет на общий фон и как полагается сложит всю картину представляемого витража из разбитой мозаики происходящего. Хочу также извиниться за некоторую мою неопытность и расторопность. Небрежность, неумелость и возможно лёгкую неожиданность насыщенным рядом эротических сцен. Где-то чересчур подробных, роскошных описаний, где-то неоправданно вскользь изложенных событий.

Возможно, я перестарался в насыщенности, стремясь сделать форму повествования буквально осязаемой. В каких-то моментах дал возможность не бежать по тексту, а вольно изложить события на страницах и вдоволь насладиться содержанием. Иногда моя самонадеянная дерзость может не дать свободу воображению, беспринципно навязывая авторский замысел. Надеюсь это получилось не слишком навязшего и того стоило. Я верю, что мои самовольные методы позволят обтесать небрежный гранит повествования в изящную гладко каменную статую. Вопиющая чрезмерность описаний иногда может навязать скуку, но глубокий антураж и пронзительная атмосфера чётких образов неминуемо заставят проникнуться духом. Насквозь им пропитаться и ощутить целиком. Если полностью довериться воображению, то никто не останется разочарованным.

Не всё является тем, чем кажется, когда зло дремлет воплотит.

Часть первая Земли холода

О загадочных кочевниках тундролесья, об их поверьях, древних обычаях и обрядах. О умелых охотниках, их значимой роли, о тревогах и угрозах, исходящих от заснеженных таёжных недр.

Глава 1. Стойбище кочевников

Грохот выстрелов автоматической очереди нарушил покой тенистой хвойной чащи. Полярная ночь осветилась мерцанием подствольных фонарей и вспышками огнестрельного оружия.словно всполохи молний среди туч, винтовочные залпы сверкали меж заснеженных ветвей. Перекрикивая лай собак, охотники палили во все стороны, целясь в нападавших зверей. Отовсюду слышались шорохи, топот копыт и свирепое рычание. Густые еловые кущи колыхались, будто заговорённые. Везде среди деревьев мелькали тени. Сгущались, окружали, заставляли отвлекаться, обстреливать пустоту. Одного за другим охотников поглощала вязкая, липкая смола ночного мрака. Грозные людские крики и звуки стрельбы сменялись страдальческими стонами, треском рвущейся одежды, хрустом костей и чавканьем жёваного мяса. Оставшихся в живых гибель товарищей злила и сводила с ума. Доведённые до иступления, они всё яростнее продолжали пальбу.

Взрывом динамитной шашки самый крепкий из охотников разорвал стоящие впереди деревья, выворотил с корнями и опалил огнём растущие рядом заросли.

– Давай! – обратился он к товарищу низким хриплым голосом.

Из-под снега трамплином выпрыгнула сетка. Полетела в сторону пламени, схватила что-то тёмное.

– Прикончить тварь! – вновь воскликнул он, и охотники тут же поддержали команду множественными выстрелами.

Когда гром винтовок смолк, а дым рассеялся, все подошли посмотреть на подстреленную жертву, но нашли запутанные в верёвках окровавленные людские конечности и растерзанные собачьи останки. Ночную темноту наполнило молчание немого страха. Вдруг сзади из ветвей проступил стройный человеческий силуэт, схватил одного из охотников цепкими когтистыми руками и под вопль ужаса затащил в темноту.

– Гена! Не-е-е-т!

Гром стрельбы снова разнёсся по округе. Он не прекращался, нарастал, перемежался с отчаянными криками и скрипом шагов на снегу.

– Не разбегаться! Держать строй! – отдавал распоряжение всё тот же осипший голос.

Охотники не слушали. Ослеплённые ненавистью, они неслись в преследовании, агрессивно расстреливая тьму. Бегущий впереди зацепился ногами за корни, упал, но заметив вдали смутную тень, прицелился и выстрелил. Оглушительный надрывистый рёв боли и дикой злости пронзил уши резким продолжительным звоном. Охотник повторно спустил курок, но ружьё откликнулось пустым щелчком закончившихся патронов.

– Чего разлётся?! Уходим! – подбежал командир и помог товарищу встать.

– Тварь забрала Гену!

– Его уже не спасти! – настаивал он с натужным хрипом.

– Я её ранил!

– Собаки убиты! Ловушки использованы! Посмотри, погнавшись за ней, мы рассредоточились! Она ведёт нас в западню!

– Нет! Нет! Я точно попал!

– Порядок нарушен! Пока соберёмся, тварь нас всех поодиночке перебьёт!

– А как же остальные?!

– Отставить споры! Все те, кем можно было пожертвовать, мертвы! Так тому и быть! Хочешь к ним присоединиться?!

В ответ недавно упавший охотник повертел головой.

– Клянусь жизнью, я заставлю дьявольское отродье захлебнуться собственной кровью! Это исчадие ада заплатит за всё! Сейчас победа осталась за ней, но война ещё не окончена! Отступаем! – приказал командир и повёл группу назад.

* * *

Частный детектив Степан Серебряков под видом провинциального корреспондента отправился к стоянкам ненцев в далёкое Заполярье. Обширная равнина, вдоль которой кочевали племена, простиралась от замёрзшей Обской губы до подножий Таймырских гор. Она растягивалась на сотни километров с запада на восток, охватывала на юге лесотундру, а на севере бескрайние ледяные пустыни и долгое время считалась изолированным плато, где обитали народы Крайнего Севера.

Добраться туда с большой Земли нелегко. Приходилось преодолевать труднопроходимую тайгу, спускаться по реке или лететь вертолётом. Опасный и сложный путь. Пользовались им редко. К тому же о тех местах ходила дурная молва как об опасном месте. Аномальной зоне бескрайних снежных степей и густой глубокой чащи. Но всё же там жили люди. Располагались редкие фактории, а недавно местные власти взялись прокладывать туда дорогу.

Во время стройки происходило множество несчастных случаев. Местные рассказывали истории о странных существах – покрытых шерстью рогатых полулюдях, затягивающих рабочих в тайгу. Нередко отправившиеся на поиски спасатели и исследовательские экспедиции сами исчезали среди тенистых кущ густой глубокой чащи. Многие боялись этих мест, предпочитали обходить стороной. Завершение прокладки дороги через тайгу могло значительно повысить опасность таящихся в лесу угроз. Увеличить риски, приумножить и без того многочисленные пропажи. Чтобы не допустить ухудшения и разобраться, в чём дело, местная контора направила Степана провести расследование. У себя в округе он не преуспевал, в этой связи его и отправили расследовать фольклорные дела, а на задание даже табельное оружие не выдали. Приказали провести разведку и собрать материалы, чтобы исключить возможность фальсификаций.

Степану в работе не везло. Коллеги говорили, внешнеюстью не вышел: низкорослый, хлипкий, с добродушным, приветливым взглядом. Он преступников не устрашал, не умел себя с ними жёстко вести и не мог заставить воспринимать всерьёз. Сам знал, что эту черту можно хорошо использовать как преимущество маскировки, но владел ею плохо. Видимо, кто-то в нём всё же рассмотрел потенциал и поручил какое-никакое, но задание, а может, хотел сослать куда подальше с глаз долой и не ждать возвращения. Сыщик из Степана выходил неудачливый. Дел раскрывал мало, за что ни брался, всё заваливал. Вести толковые расследования ему не доверяли, тому виной была, как многие замечали, его чрезмерная нерешительность и рассеянность. Всех этих качеств у Степана в избытке. Худощавый, нескладный, он не уверен в себе и чрезвычайно доверчив. Сыскной подозрительности в нём не хватало. В личной жизни Степану тоже не везло. О долговременных отношениях перестал мечтать, а с финансами положение выглядело и вовсе плачевно. Он едва сводил концы с концами. Работы почти не находилось. Днём с огнем не сыскать, а кушать хотелось не только мёд и шишки, но и всякие пряности. Премии платили мало, оклад низкий, душил как петля, а на повышение можно надеяться как на повышение. Степан то и дело перебивался временными заработками, простенькими расследованиями мелких краж и бесконечной вознёй с кипами бумаг. Только их ему и давали. По большей

части он делал бесполезную работу и ждал от жизни большего. Ему по-настоящему хотелось принести пользу. Найти что-то необычное, диковинное то, что запомнится навсегда. Степан всеми силами искал, хотел брать полевые задания, но они находились редко и быстро разбирались старожилами детективного агентства.

В таёжном городке, вдали от всех событий не жизнь, а тоска, хоть в столицу уезжай. Грядущую поездку в Заполярье Степан рассматривал, как долгожданную возможность разнообразить каждодневную рутину и последний шанс исправить безнадежно загубленную репутацию. Со слов начальника, без улик назад он мог не возвращаться. Для Степана увольнение смерти подобно. Так опозорить себя он не мог. К тому же не знал, куда податься безработному. Что ни время – вечный кризис. Устроиться некуда. Толком он делать ничего не умел, а учиться чему-то новому считал уже поздно, потому твердо решил не упустить момент. Степан хотел провести дело без осечек. Желал не только восстановиться в отделе, но и видел своим долгом принести благо обществу, а заодно рассчитывал на солидное вознаграждение. Он хотел раскрыть серию загадочных убийств и таинственных пропаж, чтобы не допустить повторения трагедий после официального открытия дороги сквозь тайгу к Заполярье. Совершив первый значимый успех, он станет увереннее в себе и наверняка сумеет наладить личную жизнь. Степану её не хватало. Он тосковал от одиночества.

Прибыв на место, Степан хотел собрать общедоступные сведения, но архивы пустовали, а газеты о происшествиях подозрительно умалчивали. Местные редакции не торопились рассказывать о завершении многолетнего строительства и не спешили отправлять корреспондентов к тундре в связи с дурным влиянием слухов.

Степан не поддавался воле предрассудков, но как ни старался, разрешение на командировку в заповедную зону у властей так и не добыл. Он решил отправиться сам, не дождавшись организованной экспедиции. Степан рвался в авангард исследователей неизведанных земель. К тому же время для путешествия выдалось подходящее. Сезон – начало весны, и заснеженное тундролесье обещало быть приветливым и не суровым.

Отсутствие улик в приграничном городке вынудило Степана направиться к таёжной дороге. Причиной пропаж могло послужить что угодно, начиная от работоторговли и заканчивая похищениями людей для жертвоприношений какого-нибудь первобытного культа. От племенных северных народов можно всякого ожидать.

Стройка оказалась ещё не завершена, но почему-то выглядела заброшенной и безлюдной. Вдоль обочины стояли груженные щебнем самосвалы и пустующие лесопильные машины. У дороги наспех прибитые таблички гласили о неминуемой опасности предупредительными надписями: «Хода нет». Одинокие знаки могли послужить предостережениями от входа на территорию стройки, не находясь она в стороне, а так установленные запреты, казалось, больше относились к тайге. Степан нашёл это подозрительным, будто работающие здесь люди знали о соседствующих в чаще опасностях и вывешивали оповещения для вновь прибывших.

Степан разузнал, что по официальным данным работы приостановили из-за регулярных вспышек энцефалита от таёжного клеща. Паразитов полно в здешней чаще, но Степан заявлениям местного руководства не поверил. Они и исчезновение людей к мнимой эпидемии приурочили, мол не исчезал никто, а просто помещён в долгосрочный карантин и строгий диспансерный надзор до выздоровления. Степан возможность заражения не отрицал, но всё же решил лично проверить эту теорию. К тому же какие клещи зимой? Власти что-то скрывали и стройку не возобновляли. При должном желании ей даже выюга не помеха, а тут на лицо явный сговор для отмывания денег или чего-то похлеще. Видимо кто-то тщательно прикрывал похищения медицинскими небылицами.

Пост контроля пустовал. Степану показалось это странным, но он обрадовался, что удастся проскочить без лишних проволочек к месту заранее оговоренной встречи с проводником. Скорее всего, он и прошёл бы мимо, но внимание привлекла важная деталь. Стекло

будки, где обычно ютились охранники, было замазано чем-то красным. Степан остановился, подошёл рассмотреть. Со стороны алые пятна походили на краску, казались свежими и сами по себе бы не встревожили, если б не виднеющийся внутри погром. Степан решил внимательнее осмотреться, но сзади отвлек хриплый старческий голос.

– Что бродишь – мозги морозишь?!

Со стороны разъездного перекрёстка к Степану подошёл невысокий пожилой человек в плотной шубе, небрежно пошитой из лоскутков оленьих шкур, такой же меховой шапке, валенках и залатанных штанах.

– Кто вы такой?!

– Мне сказали, турист тут один хода ищет, вот я и пришёл.

– Вы не знаете, что там случилось?

– Сразу видно, ты тот, кого я жду. Мечешься, как потерянный. Здесь и не такое бывает, – поморщился старик и харкнул в сторону. – Рабочих тут давно нет. Наверное, кто-то из охотников. Вечно они нос суют, куда ни попадя.

– А что со стройкой? – поинтересовался Степан, пуская выдохом пар.

На любопытство старик недоверчиво покосился и придиричиво собеседника осмотрел.

– Я журналист пришёл о дороге писать, – оправдался Степан.

– Так оставили пока всё не уладят.

– Что уладят?

– Садись, давай, скорее поехали! Кругом голодное зверье гуляет, и лучше нам с ним не встречаться.

Степан насторожился и нашёл странным, что здешнее управление внутренних дел ничего ему о происшествии не сказало, хотя он подавал запрос. Степан судорожно сглотнул и сперва даже не поверил собственным предположениям, уж больно тон у незнакомца слышался холодный и равнодушный. Он хотел сделать фотографии и собрать улики с места происшествия, но старик торопил и к будке намеренно не подпускал. Степан решил не вызывать подозрений, преждевременно себя не раскрывать и излишне любопытствовать не стал. Он продолжил вести наблюдение. Да, это не по уставу, но того требовал случай. Чтобы не спугнуть более крупную дичь в начале путешествия, сейчас следовало затаиться и подчиниться местным правилам.

– Чего растележился?! Пойдём! Не будь кулёмой! После разберёмся! Сообщи кому надо, а нам пора, если не хотим пойти на корм волкам. Они тут особенно свирепые, – потарапливал старик.

Весь измазанный в еловой смоле, он подошёл к паре оленей, впряжённых в езовые нарты. Старик резко вонял древесным воском, сказал, что это задабривало озлобленных хранителей тайги. Что за хранители и от чего они гневались, не уточнил. Может, и сам не знал, на расспросы не отвечал и показался местным чудаковатым параноиком. Степан не огорчился, но остался встревожен. Он привык докапываться до истины и считал, что со временем сам всё узнает. Так началось его знакомство со здешними поверьями и обычаями.

Усаживаясь, Степан поспешил открыть блокнот и по свежей памяти сделать карандашом несколько примечаний и зарисовок. Нарты казались крепкими, походили на длинные деревянные сани и стелились внутри перевязанными веревкой шкурами. Старик вёл себя скрытно и неприветливо. Всё время молчал. Степана это не расстроило, да и в пути было не до разговоров. Он любил зиму, а особенно зимние виды спорта, уверенно катался на лыжах, увлекался скалолазанием и получал от этого огромное удовольствие. Степан давно хотел воочию насладиться снежным величием дикой природы, но, погрязший в будничной суете шумного города, всё никак не мог выбраться. Оказавшись в лесотундре, он ощущал себя по-настоящему счастливым. Ему здесь всё нравилось, всё виделось впервой, и оттого выглядело необычным и странным. Ничего опасного в окружающей тайге Степан пока не замечал и посчитал ходящие о ней слухи преувеличением. Он не верил суевериям, к тому же в Заполярье уже долгое время

жили кочевые племена, и, видимо, ничего мистического им не угрожало. Единственное, чего стоило местным жителям по-настоящему бояться, так это диких зверей, суровых погодных условий и продолжительных зим. Степан сделал вывод, что причина исчезновений крылась явно в чём-то другом, рукотворном, приходящем, и хотел выяснить, в чём именно.

Впечатления от поездки на санях испортились увиденным на перепутье происшествием. Там могли быть жертвы. Степан решил позже вернуться к посту контроля в одиночку и сам подробнее всё рассмотреть. Он корил себя за нерешительность и сетовал на крайне неудачное появление проводника.

Степан попутно записывал наблюдения и вдыхал полной грудью повисшую в воздухе хвойную свежесть. Таёжный лес величественно раскинулся вдоль обочин пышными елями. По сторонам теснилась колоннада высоких сосен, укрытых с верхушек до корней снежными шапками, словно взбитыми сливками. Лиственницы и пихты поднимались вверх, будто высеченные из мрамора белоснежные изваяния и, растворяясь в небесах, задымленных проседью, впечатляли исполинскими размерами. Свисающие ветви прогибались под густо посыпанной белизной, колыхались ветром и осторожно роняли увесистые снежные хлопья. Всюду пахло шишками и еловой прелью. Воздух словно пронизывали обледенелые хвойные иголки, нежно покалывая щёки лёгким морозом. Вдали, за верхушками деревьев высилась седая гора с острыми уступами и крутыми скалистыми склонами. Старая, как сам лес, покровительница еловой чащи она начинала собой длинный Таймырский хребет.

Старик гнал оленей всё быстрее, подхлестывал вожжами. Находиться в числе первопроходцев новой дороги Степану оказалось не по душе. Едва ли слегка припорошенную снегом просеку можно выдать за прокладку. Казалось она и сезона не проживёт. На пути попадалось множество ухабов. Сани не раз подпрыгивали на кочках и выступающих из-под сугробов пеньках. На одном из подскоков во время резкого поворота Степан едва не выпал. Воняющий еловым воском старик сбавил ход и сказал, что на нартах не то что ездить, а даже сидеть нужно уметь. Обещал Степана к ним привязать, если тот не будет крепко держаться. Это были чуть ли ни единственные слова северянина за всю поездку, и от того они показались особенно весомыми. Степан нашёл их мудрыми и, сделав напоследок несколько замечаний, убрал за пазуху блокнот. Он крепко схватился за боковые поручни саней обеими руками и сосредоточился на дороге.

Лесополоса вскоре осталась позади. Дальше ехали долго, упорно, вдоль сверкающих снегом бескрайних просторов. Понять, когда именно прибыли было трудно. Тут уже давно стоял очередной полярный день. Здесь не запад и не восток, солнце в этих местах не всходит и не заходит, а ходит по кругу вдоль горизонта, словно привязанное, оставляя свет лёгких сумерек. Всюду ощущалась особенная природа с уникальным характером и удивительным, ни на что не похожим укладом. Местность отличная от всех, живущая по собственным правилам. Глядя на солнце, в затянутом тучами небе, Степану время дня было не определить, но по часам близился вечер.

Вдали появились пирамидальные силуэты жилищ. Стоянка кочевников-оленоводо-называлась Хымвынар и насчитывала с три-четыре дюжины чумов, расположившихся у подступов тайги. Поселение находилось на стыке двух миров, спереди уходило в бескрайнюю тундру, а с боков бережно обнималось рукавами леса. От раскинувшейся кругом снежной белизны слепило глаза. Степан уже пожалел о том, что не прихватил с собой горные очки. Однако местных жителей это неудобство, похоже, не тревожило. Ко всему привыкшие, они чувствовали себя уверенно, но встречали приехавшего незнакомца настороженно, бросая вскрытую любопытные взгляды. Степан надеялся увидеть среди поселенцев не только оленеводов-кочевников, но и настоящих охотников. Он слышал, их немало в здешних краях. Что и говорить, дичи много, простор широкий, есть где развернуться и чем поживиться. Степан восхищался охотниками, их смелостью, бесстрашием и отвагой, умением выживать в труд-

ных природных условиях. Они развивали в себе особенную стойкость к суровой заполярной жизни, обладали запредельной выносливостью. Степан много раз слышал увлекательные истории про храбрых егерей, отважных смотрителей леса, которые смело, со всей отвагой боролись с холодами и обезумевшими от голода животными. Мерились силами чуть ли не на равных. Выживали самые стойкие. Степан сам втайне мечтал когда-нибудь к ним присоединиться и с нетерпением ждал встречи. Он больше всего в жизни мечтал попасть на настоящую охоту с собаками, преследованием диких зверей и борьбой с природой. Это было его самое заветное желание, но реализовать его Степан не решался. Он не имел нужных знакомых, должных навыков, сноровки и подготовки, да и выбраться из города никак не удавалось. Даже в работе Степан часто попадал впросак, а в условиях дикой природы себя и представить боялся, но сейчас отправившись по заданию к охотничьим угодьям, в тайне надеялся свою мечту осуществить.

Старик, что вёл нарты, натянул вожжи и остановил упряжь рядом с откопанным из снега бревенчатым колодцем, крытым остроугольной крышей из сосны с древесными срубами. Степан слез с саней и, поблагодарив за поездку, направился вглубь стойбища. Уединившись, он решил вызвать группу криминалистов к оставшейся позади стройки, но связь почему-то не работала. Видимо, от ближайшей радиочастотной вышки он уехал далеко, момент был упущен. Степан выругался.

– А я ещё спрашиваю себя, почему плохой сыщик, вот и ответ, – проговорил он мысли вслух.

Наверняка, коллеги по работе хотели сослать его куда подальше, чтобы сгинул, но Степан решил, что не даст им такой повод для радости, а себя в лице сотрудников оправдает и сделает всё возможное, чтобы раскрыть тайну загадочных исчезновений. Он ни себя, ни их не разочарует, больше никого не подведёт. Степан глубоко вздохнул, собрался с силами и пошёл вдоль поселения, внимательно осматривая окрестности.

Солнце едва пробивалось сквозь затянутое тучами небо. Сгустившиеся в вышине облака предвещали непогоду, но всюду царило спокойствие и безветренная тишь. Степан поправил куртку и, растирая руки, отряхнулся от налипших на одежду хлопьев снега. Он путешествовал налегке. Не хотел себя обременять лишним грузом и затратами. Долго находиться здесь не собирался, дело требовало срочности. Действовать следовало на опережение. Степан был уверен, что быстро разберётся с происходящим, вернётся обратно и будет пожинать лавры значимой удачи. Он думал, что дело раскроет легко, полагал, что местных деревенских простаков будет легко разговорить и вывести на чистую воду.

Насколько известно, даже подобия гостиницы у ненцев тут и в помине не водилось, так что Степан через третьих лиц договорился поселиться у местного на дому. По сторонам словно вырастали из снега небольшие чумы – жилища кочевников. Высокие конические шалаши, сделанные из жердей и покрытые оленьими шкурами в несколько слоёв. Из железных труб на вершинах вился дым очагов и пропадал в вышине тонкими извилистыми нитями. Местные жители не отвлекались от обыденных дел, но продолжали с настороженностью поглядывать на Степана. Мужчины рубили на колодках дрова, женщины носили в стойбище хворост и копошились возле саней, а дети играли с собаками в стороне. Странно, что его никто не встречал, видимо приезд оказался неожиданным. Едва Степан очутился среди чумов, как ощутил витающую в воздухе атмосферу неторопливости и непринуждённости, разбавленную повисшим в воздухе крепким оленьим запахом. Жизнь здесь протекала в милой приземистой простоте. Несмотря на то, что в стойбище каждый спешил заняться делом, всюду ощущалась медлительность и тихая леность. Так складывалось от того, что каждое занятие тут имело вес и всякую значимость в отличие от в большинстве своём бесполезной городской суетливости. В метрах ста за небольшим небрежно отгороженным забором паслось стадо оленей. Несколько десятков не больше. Услышав незнакомые шаги, животные отвлеклись от раскапывания снега, повернули головы и уставились на Степана. Они принялись изучать вновь прибывшего чужака пыт-

ливым взглядом, будто старались понять, можно ли ему доверять. Любопытства от оленей исходило больше чем от местных жителей, и под пристальным взглядом животных Степан почувствовал себя неуютно. Он словно был мишенью, за которой наблюдали издали, вынашивая непредсказуемые, дерзкие планы.

Едва Степан сделал несколько шагов к одному из чумов, как его тут же громким лаем встретили собаки. Все как одна породистые лайки, насколько он знал, являлись отличными помощниками охотников и оленеводов. Хорошо дрессированные, они способны слушаться хозяев с полуслова, потому Степан был не удивлён их здесь встретить, но подобных нападок испугался.

– Гэ-э-э-эй-й-й-я-я-я-а-а! Фу! – воскликнул вышедший из ближайшего чума высокий мужчина в толстой шубе, утеплённой меховыми вставками, чёрных берцах и плотных армейских штанах.

Богатырского склада, широкий в плечах, как гора, рослый, с редкой, выстриженной бородой и суровым, даже сердитым взглядом, он наводил страх одним видом и громким, хриплым басом тут же успокоил собак. Непомерная важность походки и вся её неторопливость говорили о том, что без этого человека тут дела не делаются. Любопытство непременно ждал его внимания. Цепкий взгляд сощуренных серых глаз смотрел пристально, напористо. Степан не мог долго выдерживать на себе всю его въедливость. Обычно это он изучал преступников, а сейчас чувствовал обратное, и от того ощущал себя неловко.

Вслед за незнакомцем из чума вышли ещё двое в более-менее современной одежде, с охотничьими шапками на головах. Мужчины выглядели весьма воинственно и встречали Степана с явно выраженным недовольством. У одного из них головой убор выглядел причудливо. Целиком опутанный еловыми ветками и сплошь повязанными венками, он сидел небрежно, перекашиваясь и слегка напознал на глаза.

Глядя на хозяев чума, первое, о чём подумал Степан, то, что он не хотел бы никого из них злить. Рядом с входом по бокам стояло два красных снегохода. Все замызганные, грязные, словно после поездки вдоль болот, Степан не мог и представить, где среди кристально чистых снегов можно побывать, чтобы так испачкаться. Но это его беспокоило меньше, чем приближающиеся незнакомцы. Один из них, на вид самый крепкий, недоверчиво глянул на Степана и представительно вышел вперёд, ожидая приветствия.

– Корреспондент журнала «Сибирские огни» Степан Серебряков, приехал известить о вашем воссоединении с цивилизацией!

Мужчины переглянулись и посмотрели на визитёра с удивлением.

– Рад знакомству! Владимир Перворуков! – поприветствовал он Степана крепким рукопожатием, – можно просто Влад.

От его хватки у Степана захрустели костяшки пальцев, а от невыносимо хриплого голоса резало слух.

– Это у нас Леший и Анатролий. Мои друзья, – продолжал знакомить Владимир и кивнул в сторону попутчиков.

– А чего так зовутся? – разминая руку, поинтересовался Степан.

– Гляди, какой усатый и патлатый с охапкой ёлок на голове. И звать его Лёха Лешов, а Анатролий потому что он обыкновенный лесной тролль. И не спрашивай почему, сам поймешь, – договорил Владимир, представляя друзей, и ехидно улыбнулся.

– Говоришь, прибыл писать о соединении? Так нечего ж соединять! Нашёлся тут соединитель. Мы ни от кого не отсоединились, – переглядываясь с Лешим, усмехнулся Анатролий.

– Да вот, дорогу к вам сюда недавно прорубили. У нас в городке об этом говорят. Хочу рассказать все подробности первым.

– Ха! Ишь чего захотел! Прямо всё ему так и подавай!

– Пришел о нас писать?! Писака. А что?! Полезно! Ну, вот тебе тогда важное событие. Сегодня в честь удачной охотничьей недели у нас вечером Гланаван, – проговорил Владимир и хлопнул Степана по плечу.

– Гланаван? Вы охотники?! – переспросил Степан с восхищением.

– Да постреливаем немного. За лесом следим, – ответил Анатролий.

– Праздник в самом высоком чуме, так что присоединяйся! Лишним не будешь! Угощения на всех хватит! – улыбнулся Влад и шлёпнул Степана по спине.

Удар пришёлся вполсилы, но и того хватило чтобы невольно податься вперёд, сгорбиться и едва не поперхнуться слюной. Степана аж покосило, а из-под одежды выбился снег. Владимир ухмыльнулся и поставил руки на пояс. От подобного закалённого сибирского приветствия Степану уже захотелось не продолжать знакомство, а убраться скорее подобру-поздорову.

– Леший, помоги нашему гостю, отнести вещи к Пайрии, – приказным тоном обратился Владимир к стоящему по левую руку усатому охотнику в меховой шубе, стянутой широким кожаным поясом. – У него переночует, а пока Анатролий ему здесь всё покажет.

В ответ охотник встал по стойке смирно, выпятил вперёд грудь и опустил руки по швам, чтобы никто не усомнился в его строгой армейской выправке.

– Я в носильщики не нанимался, – возразил Леший.

– Отста-а-авить возражения!

Владимир смерил его сердитым взглядом. Заставил послушаться.

– Ну, бывай, а я позже присоединюсь, – прощаясь, он вновь крепко пожал Степану руку и вернулся обратно в чум.

Владимир оставил одного из дружков Степану в проводники. Всучил Анатролия, словно поводыря, который явно намеревался всюду сопровождать и не отходить ни на шаг. Степан позволил Лешему забрать сумку и оставил у себя только вещи первой необходимости.

Вместе с Анатолием Степан обошёл стоянку несколько раз вдоль и поперёк. Снег был мягким и пушистым, словно свежее выпавший, и хрустел под ногами, как сахарная вата. Со временем похолодало, щёки горели снежирёвыми перьями, изо рта при дыхании вырывался пар, а руки зябли даже в плотных перчатках. Мороз крепчал, но чувствовался куда меньше, чем в городе, словно здесь, в Заполярье, он щадил местных и не всегда проявлял полную силу.

Ненцы разводили оленей и вели кочевой образ жизни. Они разъезжали по пустынным равнинам заснеженной тундры в поисках новых пастбищ, удобных стоянок и богатых кормовых угодий для стада. А оленей у кочевников было немало, голов семьсот, даже больше, но это отнюдь не говорило о том, что они были сказочно богаты. Привычная городская роскошь, как выяснил Степан, у местных не ценилась. Здесь всё жило по собственным законам: и лес, и тундра, и природа, и люди вместе с ней в унисон. В Хымвынаре Степан насчитал множество охотников. Рядом с ними ненцы чувствовали себя словно угнетёнными. Сторонились, как чужаков, деловито прохаживались по стоянке, держались сжато, скованно, разговаривали сдержанно и скрытно. Степану показалось это странным, но значение подобному поведению он не придавал. Мало ли что случилось, может, сейчас племена были в ссоре.

Находясь в лагере, Степан всё больше понимал, что время для визита выбрал неподходящее. Он чувствовал себя незванным гостем, явно лишним. Охотники не радовались прибытию репортёра, а местные, напротив постепенно сквозь страх проникались к гостю скрытым любопытством и лёгким доверием, будто проверяли его на дружелюбность. Кочевники не раз подходили к Степану и пытались через Анатролия завести беседу. Он передавал их речи скудно и без энтузиазма, старался всячески прервать. Поселенцы общались на родном языке. Свою речь они называли ненэця-вада или просто нен-вада и не признавали диалектизмы. Сами кочевники переводили название как «разговорная река». Охотники знали местный язык плохо, видимо выучили недавно, и рассказывали Степану всё скупое, обрывками, но и того хватало с лихвой. За всё время пребывания в Хымвынаре он повстречал немало разных людей, сделал множество

фотографий и набросал уйму записей в блокнот. Хотя многих и смущало появление Степана, но местные знали, что делать с иноземцами. Ненцы оказались народом добрым и гостеприимным. Старались познакомиться, к Степану присмотреться. Охотники сдерживали особо впечатлительных и недовольно ругались. Несмотря на самобытную простоту. Мужчины племени знали цену словам, попусту не толковали. Говорили мало, по делу. Их речи по существу мог позавидовать любой городской прагматик, а вежливостью и воспитанностью ненцы производили неизгладимо приятное впечатление.

Рядом с каждым чумом стояли нарты – длинные сани, собранные из деревянных частей путем врезки. Их основанием являлась большая рама, устланная поверх тёплыми шкурами. Как выяснил Степан, при изготовлении ездовой части не использовались ни гвозди, ни шурупы, ни болты, а только цельные породы древесины и густой еловый клей. При особом методе приготовления на морозе он схватывался намертво. Это делало любую скреплённую им конструкцию особенно прочной. Степан узнал, что нарты по размеру и виду бывают разные: грузовые – более длинные, с мощными полозьями и толстыми несущими прутьями. Легкие, скоростные – короткие и обтекаемые из тонких древесных заготовок. Мужские и женские нарты тоже разнились между собой. Отличались наличием широких поручней и бортиков, служащих защитой для детей. Степана смутило, что его сюда привезли именно на таких. Тут даже были священные нарты для перевозки шестов чума и разнообразных оберегов. У местных это было что-то вроде личного транспорта – сани на все случаи жизни, хоть магазин открывай. Степан даже подыграл шутливости Анатролия, предложив идею бизнеса, в котором можно устраивать разного рода акции: обмен снегохода на три пары нарт или каждому второму покупателю оленя с упряжкой в подарок. Охотник ответил сдержанной улыбкой и не воспринял высказанную идею ни в шутку, ни всерьёз.

Компания Анатролия была не самой плохой. Раздражала только его излишняя опека, вездесущая назойливость и гниlostное, тревожное чувство слежки. Первое время Степан думал, что оно ощущалось из-за охотника, потому хотел всячески от него отвяжаться, но после нескольких безуспешных попыток бросил эту затею. Времени оставалось мало, да и он приехал сюда не в прятки играть. Тем не менее нигде на стоянке неприятное ощущение не покидало. Всё чаще озираясь по сторонам, Степан вскоре понял, что оно исходило больше со стороны чащи, нежели от людей. Нутро жгло необъяснимое чувство тревоги. Степан повсеместно ощущал на себе чей-то изучающий, пристальный взгляд, от которого становилось не по себе. Цепкий, въедливый, терзающий взор, заставляющий всякий раз тревожно оборачиваться. Словно где-то на подступах к лесу, притаился опасный хищник и видел в Степане нездешнего, выслеживал, чуял лёгкую добычу. Но стоило обернуться и всмотреться в тайгу, как все догадки терялись в густом каскаде развесистых еловых ветвей и стремительно исчезали в снежной белизне.

Степан не решался поведать об опасениях охотнику, полагая, что после этого он и вовсе к нему прилипнет, а нянька ему была не нужна. Анатролий, конечно, рассказал много интересного и дал немало пищи для размышлений, но Степан хотел и сам насладиться местными красотами, всё разведать и на всё посмотреть. Анатролий ходил по пятам, дышал в затылок, будто намеренно издевался. Вот уж действительно тролль. Его оправдывало только то, что охотники являлись здесь чуть ли не единственными представителями цивилизации и, возможно, негласно или голословно были местными смотрителями заповедной зоны. Они исполняли роль хранителей культуры, оберегали старинные обычаи и обряды ненцев от внешнего вмешательства, способного невзначай просочиться от расторопных приезжих. Степан думал, что именно поэтому Анатролий так над ним пасса, щедро одаривая излишним вниманием, и не хотел пускать его в самоволку. Он старался относиться к навязчивому поведению охотника с пониманием.

День оказался и без того насыщен событиями. Степан возлагал большие надежды на предстоящий Гланаван, а ещё хотел, если повезёт, принять участие и в охоте. Самые лако-

мые кусочки экскурсии, как и ожидалось, оставались напоследок. Степан уже долго находился на улице и изрядно продрог. Кругом трещали студёные морозы, тело знобило от холода. Хотелось поскорее нырнуть в чум, укрыться оленьим одеялом и согреться в тепле.

Прохаживаясь вдоль протоптанной дороги, Анатролий подвёл Степана к мужчине средних лет со включенными волосами, по-азиатски узкими глазами, редкой щёткой усов под носом и грубым, обветренным лицом. Его кожа блестела на солнце, а сам незнакомец источал омерзительный, едкий запах. Это был Пайрия – хозяин чума, в котором Степану предстояло переночевать, и по совместительству глава местного племени. Его отец, дед и прадед в своё время тоже считались вождями родовой общины, только вот, судя по поведению охотников, Пайрия ей полностью не владел. Он сидел на нартах рядом с жилищем, напевая весёлую песню на родном языке, и строгал ножом черенок, посыпая под ногами снег мелкой древесной стружкой. Его длинные костлявые пальцы, напоминающие побеги спаржи, умело орудовали инструментом. Губы цвета ржавчины то и дело растягивались в улыбке, обнажая гнилые зубы с большими промежутками. Степан не понимал, как Пайрии удавалось так играючи управляться с заготовками. Он был ещё не слишком стар, но уже и не молод, чтобы действовать так шустро, к тому же его руки не выглядели особенно приспособленными к подобной работе. Ко всему прочему стоял мороз, ладони Степана согревали плотные кожаные перчатки, но кончики пальцев всё равно едва чувствовались. Видимо нужно было долго жить в Заполярье, чтобы как следует привыкнуть к экстремальным условиям холода.

Пайрия был одет в длинную малицу – глухую, доходящую до колен самодельную шубу с большим меховым капюшоном, шерстяные штаны и плотные кожаные пимы с широкими ступнями. Одежды были старательно пошиты вручную из оленьего меха, лоскутов ткани с суконными вставками и всюду пестрили стегаными швами.

Степан подошёл к хозяину племени, вежливо представился и поздоровался.

– Пожалуйте-мана, – отрываясь от дела, расплылся в улыбке Пайрия. – Какое доие-е-ехалось-мана и откуда вы к нам-а и как-а?

Он встал, опираясь на стену чума, отряхнулся от опилок и пожал Степану руку. Хватка была дрожащей и неуверенной, как у дряхлого старика, совсем неподобающая вождю.

– Да с города, – ответил Степан, – очень рад знакомству. Вот прибыл о вас поведать миру и вижу, мир будет немало вами удивлён. Кстати, а что это вы сейчас делаете?

– Новый хорей-мана. Шеста погонения оленя.

Показывая палку, Пайрия рассказал, что несмотря на очевидную простоту, каждый раз изготовление выходило разным и подходить к делу следовало с особым настроением. Бывало, для хорея выбирался деревянный ствол с естественным изгибом. Тогда требовалась листовница с красноватым оттенком или наоборот с белым, а иногда и обычная хвоя подходила. Чем дольше Степан слушал про тонкости обработки древесины, тем больше удивлялся глубине знаний Пайрии в этой области и изумлялся учёности, казалось на первый взгляд первобытного северного народа.

Позади послышался приглушённый снегом топот копыт, громкое фырканье и тяжёлое дыханье. Степан обернулся. К чуму подошёл северный олень с большими рогами и гладкой шёрсткой. Он был по-дикому величественен и красив. Совсем не такой, как в городском зоопарке. Сохранял в себе природную гордость и статное величие, вёл себя по-хозяйски, держал голову надменно, словно глядел на всех свысока и сам решал, как позволять к себе относиться, к кому подходить, а к кому нет. Олень представал во всей красе, источал терпкий сухой запах и с любопытством осматривал Степана.

– О-о-о-о, а это Црын! – представительно проговорил Пайрия. – Он важака! Красивый-однака!

– Как вы? – переспросил Степан.

Пайрия едва заметно кивнул и рассмеялся.

– Да кудама уж мене?! Хе-хе! Опять вышел из загона-мана. Подойти к тебе. Навер-мана познакомиться хотеть.

Степан с неподдельным интересом осмотрел оленя, дважды с ним сфотографировался и погладил спину. мех оказался мягкий и приятный, с густым подшёрстком на груди. Рога широкие, как ветви дерева, раскидистые. Едва Степан их коснулся, как Црын рассержено фыркнул, притопнул копытом и боднул в бок. Под хохот Анатролия Степан неуклюже отпрыгнул и испуганно посторонился.

– Ха-ха-ха! Куда шаловливые ручонки свои тянешь?!

– Ой! Вот смеху-то! Предупредил бы.

– Это тебе не ручной пудель. На, лучше задобри, – охотник вынул из кармана надломанный сухарь и морковку.

Степан взял хлеб и Црына прикормил, а морковку оставил себе. Припрятал в карман штанов про запас. Мало ли вдруг снова нападёт, потому будет чем откупиться. Сейчас Степан такому наглому оленю подобное лакомство пожадничал давать. Црын захрустел с аппетитом, приблизился и позволил себя вновь погладить. С первого взгляда Степан даже не мог определить, какой олень породы. Основной цвет окраски туловища был красно-бурый, с переходом к коричневому оттенку и белыми пятнышками на животе и у хвоста. По словам Пайрии, Црын был пегой, даже каурой масти, таких называли самородками. Разношёрстный цвет встречался редко и считался исключительным признаком вожака. Олень оказал на Степана неизгладимое впечатление, в такой близости он видел обитателей тундры впервые.

Не обращая внимания на общение гостя с Црыном, Пайрия продолжал изготовление хорея. Анатролий хлопнул оленя по крупу, проговорил что-то по нен-вада и спугнул в сторону. Затем вновь со Степаном подошёл к Пайрии и продолжил разговор.

– Ну как тебе Црын-мана?

– Великолепен.

– Ага-мана, оленя с характерома.

– Ну, а у вас как процесс? – вновь поинтересовался Степан.

– Идёте-мана, – отстранённо ответил Пайрия.

– А хореи эти надолго делают?

– Временно, на полгода, – пояснил Анатролий за Пайрию, стараясь лишний раз его не отвлекать и не утруждать разговорами на неродной речи.

– А этот из какого дерева? – снова спросил Степан.

– Из ёлки. Этот на сезон, а те, что долго служат, изготавливают из листовенницы и наконечник из оленьего рога. Он выглядит таким набалдашником, размерами с пятирублевую монету, – рисуя пальцами в воздухе небольшой круг, сказал Анатролий и указал на хорея, лежащий около чума.

Степан взглянул на Пайрию, ожидая подтверждения сказанных слов. Тот согласно кивнул и продолжил зачищать стебель.

– И сколько такие обычно служат?

– Несколько лет. Вот сосновый быстро ломается. На полгода хватает. А вообще, как беречь. Его ещё когда скрепляешь оленьим жиром смазывать надо, если засохнет, то поломаётся.

– А зачем делать недолговечные? Лучше же раз и надолго.

– Разные погоняла для разного нужны. Если сезон предвидится непогожий и разъездной, как, скажем, месяц листьев, тогда лучше гибкий, лёгкий шест. Он просто делается, но обычно быстро портится, – объяснял Анатролий, – а если долгие стоянки планируются, тогда и прочный подойдёт. Он изготавливается дольше и сложнее, но хранится лучше.

Степан нашёл эти детали интересными, поспешил записать в блокнот и по привычке сделать несколько зарисовок.

Возле чума Пайрии лежали заготовки для нарт – тонкие стволы ели, вытесанные с четырех сторон, так что в сечении образовался квадрат. Ровные, прямые, они были сделаны так искусно, что если бы Степан сам не видел, как происходило их создание, то подумал, что рейки пропускали через станок.

– А это что? – поинтересовался Степан, указывая на лежащую рядом верёвку, смотанную кольцами.

Пайрия с интересом объяснил, что это тынзян – аркан для ловли оленей. Сказал, что он крепкий и длинный, как трос, плотно сплетённый из четырех шнурков сыромятной кожи, а позже показал, как правильно собирать его в одну руку и метать, как лассо.

– Ясно, понятно. Вроде ничего сложного, – проговорил Степан.

– Ну, раз научился, пошли, покажешь, что умеешь, – взял его с собой Анатролий.

В стороне дети играли в игру – Ярка-лава. В ней тынзян накидывался на воткнутый в землю хорей, расположенный на дистанции. Розовощёкая пухленькая девочка в одежде из оленьих шкур, осторожно подошла и вежливо поднесла свой тынзян Степану.

– Да ну! Куда мне?! Я уже из всего этого вырос.

– На самом деле у этой забавы нет возрастов. Все играют. Вон гляди! – указал вперёд Анатролий.

Игра была на меткость, удалённость метания напрямую зависела от сложности состязания и опыта участников. Среди любителей попрактиковаться наблюдались и взрослые. Видя охотника, подходящего вместе с гостем, местные жители остановились и насторожились.

– Да брось, я едва ли умею.

– Не ссы, – уговаривал Анатролий.

– Ну-у-у против местных у меня точно нет шансов, – проговорил Степан, глядя как быстрыми, умелыми движениями ненцы наматывали на руку тынзяны, предвкушая состязание. – Давай с тобой. Если вдруг что не пойму, так ты подскажешь.

С первого взгляда Степан нашёл игру азартной и интересной, решил попробовать. К тому же после долгого пребывания на холоде неплохо было и в движениях разогреться.

– Ну-у-у раз просишь, – согласился Анатролий.

Он взял тынзян у одного из поселенцев, встал рядом со Степаном от хорея на расстоянии шагов пятнадцати и принялся наматывать на руку. Степан ответил тем же и, переглянувшись с охотником, уколол его взглядом с хищным прищуром. Анатролий усмехнулся и метнул тынзян широким, направленным взмахом. Петля нанизалась на шест, будто родная. Степан восторженно охнул и постарался повторить, но его бросок прошёл мимо. Стоящие рядом охотники тихо рассмеялись, а ненцы посмотрели с надеждой, скрывая огорчение. Анатролий подтянул тынзян, смотал и снова сделал бросок. Хорей вновь оказался окольцован. Степан округлил глаза. Видимо у охоты здесь было много разных направлений.

– Ха! Видал как надо?! – воскликнул Анатролий.

Степан повторил попытку, но снова промазал.

– М-м-м-д-а-а-а уж! Сегодня явно не мой день.

– Не дрейфь, тюфяк, не штаны просираешь!

Пайрия улыбнулся и подошёл к Степану, взял его тынзян и объяснил секрет техники метания. Он свернул верёвку кольцом и перекрутил вдоль несколько раз. Разъяснил, что при броске нужно слегка оттягивать на себя за другой конец, тогда скрутки распрямляются и лассо ускоряется в воздухе. Несколько скруток дают больший толчок. Вся хитрость заключалась в том, что кроме ловчего никто не угадает, с какой скоростью будет лететь тынзян. Это зависит от силы кручёной пружины и собственного рывка. Чем позже дёрнуть на себя, тем труднее цели увернуться, а если много скруток, то можно потянуть и рано, тогда верёвка сама полетит по инерции. Смысл не в том, чтобы нанизать петлю тынзяна на хорей, умельцы уже безошибочно с этим справляются, а в том, сколько раз и за какое время каждый это сможет

сделать. Степан понял, что эта игра являлась упорной тренировкой мастерства ловли оленей, и с нескрываемым рвением хотел ещё попробовать. Он хорошенько прицелился, приловчился и совершил бросок. Степан старался сделать всё по советам Пайрии. Резкий порыв ветра сдул проносившуюся мимо хорея петлю, и словно помогая, набросил её на шест.

– Ха! Ты гляди! Попал! – воскликнул Степан.

Местные ему поаплодировали, а охотника презрели едкими насмешками. Успех с третьего раза на такой дистанции – хороший результат для новичка, когда Анатролий тренировался ему такое и не снилось.

– Молодец везунчик, – проговорил он и довольно хмыкнул, старательно маскируя презрение за приветливой улыбкой. – Сильно тут не серебрись. Посмотрим, кто кого на Гланаване перепьет.

Анатролий отдал тынзян и ушёл, гордо оставив за собой последнее слово. Пайрия пробурчал ему вслед и вернулся обратно к нартам, а Степан продолжил вместе с ненцами практиковаться.

* * *

По часам близилась ночь, к стоянке приехали ненцы с пастбища и пригнали огромное стадо оленей. Погонщики целый день провели с ними в тундре и сейчас возвращались обратно в племя на оленьих и собачьих упряжках. Большое количество животных заглушало все разговоры и окружающие звуки громким топотом копыт. От поступи стада дрожала земля и, казалось, ходуном ходили чумы. Степан был удивлён увидеть оленей в таком количестве. Он даже сходу не мог их всех сосчитать. Животных было настолько много, что создавалось впечатление, будто ещё чуть-чуть, и вся эта устрашающая масса сорвётся в галоп и сметёт всё стойбище. Но вопреки ожиданиям олени вели себя послушно и не агрессивно. Они подчинялись воле погонщиков и покорно за ними следовали.

Все местные всполошились, засуетились, непривычно нарушив устоявшуюся тишину. Воспользовавшись суетой, из загона вслед за Црыном по стоянке разбрелось несколько оленей. Они мирно паслись возле чумов и, роясь в снегу, в поисках ягеля околачивались среди людей. Пайрия крикнул пару слов по нен-вада, и все собаки, которые в это время находились рядом, собрали разбредшихся животных. В это время лайки всегда подходили к чумам, встречали вернувшихся погонщиков, ошивались вокруг жителей, а те их подкармливали хлебом и ухой. Степан удивлялся глубокому взаимопониманию людей и собак. Лайки слушались хозяев с полуслова, как будто разговаривали с ними на одном языке. Общение с животными было настолько прямым, а местный говор временами так походил на лай, что со стороны казалось, будто в нен-вада действительно было несколько «собачьих» наречий, а возможно даже и оленьи слова. Пайрия крикнул стоящей у частокола женщине в длинной шубе и бордовом тканевом платке. Та в ответ махнула рукой и принялась осматривать загон.

– Большой мана-человек с большой земли-мана. Устал-мана наверна? Пойдём отдохнуть, пойдём отдохнуть, – обратился к гостю Пайрия.

– Да уже, не мешало бы, – отдышавшись, ответил Степан.

Пайрия повёл его за собой к жилищу, откинул плотную кожаную завесу, отгораживающую вход, и пригласил зайти. Степан зябко поёжился и, подышав на руки, продолжил стоять у входа и осматриваться по сторонам. Он наслаждался теми короткими мгновениями покоя и одиночества, когда, наконец, ему позволили быть предоставленным самому себе, но назойливые ощущения преследования не покидали. Даже после ухода охотника они заставляли вздрагивать от каждого шороха и раз от разу оборачиваться. Неясные тревоги не давали продохнуть. Чтобы хоть как-то успокоиться и привести мысли в порядок Степан решил довериться излюбленному хобби и нарисовать стойбище. Он сделал уже множество снимков, но фотографиям,

как и прежде не доверял и решил для себя сделать несколько набросков. Степан любил рисовать, он таким образом отдыхал и хорошо освобождал голову. На обложке блокнота изображалось сердце, нарисованное бывшей девушкой. Степан старался его оберегать, сохраняя память о самых лучших в его жизни отношениях. Жаль, что скоротечных, но таков был её выбор.

Из соседнего чума валяжно вышла кошка и вывалилась в снег. Как уже знал Степан – это считалось к непогоде. Жилище Пайрии было и впрямь высоким, но не слишком выделялось на фоне остальных. Походило на индейский вигвам, только сделанный из оленьих шкур. Плотные кожаные стены по бокам украшали изображённые угольком рисунки животных, а над входом висело несколько оберегов, сплетённых из сухих веток, шерсти и птичьих перьев. Степан нашёл это приятным. Ненцы оказались не отчуждены от искусства. Степан уже изрядно продрог и, не желая заставлять хозяина ждать, зашёл внутрь.

В чуме оказалось просторно, как в небольшой однокомнатной квартирке, лишённой громоздкой мебели, но в то же время тепло и уютно. Свободно могли уместиться пять-шесть человек. Было где развернуться и семье и приезжим гостям. Жилище с виду казалось простым и приземистым. Помещение хорошо вентилировалось, внутри будто работал кондиционер, только бесшумный, и осуществлял медленную вытяжку воздуха через верхнее отверстие. По бокам возле стен располагались набитые сеном лежанки, а посередине топились небольшая железная печка-буржуйка. Один из немногих здешних признаков цивилизации, почти достопримечательность, потому как, со слов Пайрии, в большинстве чумов огонь поддерживался кострами. Тепла от неё хватало даже в стужу, да и шкуры, которыми были покрыты стены, хорошо согревали. Внутри жилища можно было снять верхнюю одежду.

Пайрия пригласил сесть за небольшой столик и выпить чай. Степан несказанно обрадовался. Он нуждался в горячительных напитках сейчас как никогда прежде и даже не мог поверить, что испытывал столь острую потребность в, казалось бы обыкновенных вещах. Под ногами прямо на снегу лежали широкие доски, а вдоль всего периметра по кругу циновки из тонких стволов молодой сосны и стебельной травы, поверх которых расстилались звериные шкуры. Сидеть в тепле и видеть под ногами между досок снег, Степану было непривычно. Иногда из-под деревянного покрытия меж щелей задувал позёмка, но вопреки ожиданиям холодно не было, и он быстро согрелся. Только посидев некоторое время в жилище, Степан перестал чувствовать за собой слежку и, находясь в безопасности, наконец, спокойно вздохнул и расслабился. Он весь растёкся от тепла, словно оттаял, и развалился на лежанке.

Через входную ширму в чум забегали собаки, без приглашения, как свои, но вели себя культурно, под руку не лезли. Они старались быть незаметными, уважали хозяев. Все невысокие – ростом с вершок. Сначала можно подумать, что ещё щенки, но на самом деле взрослые, обученные лайки. Пайрия сказал, что иногда их привязывают на короткую веревку к шестам, чтобы не мешались и отдыхали, стерегли вход.

Достав вещи из походной сумки, Степан угостил хозяина банкой варенья, сыром, печеньем, бутербродами с копчёной колбасой и прочими радостями городской пищи. Пайрия обрадовался подаркам и пожаловался, что к ним в Хымвынар редко кто заезжает. Среди угощений оказались персики. Пайрия округлил глаза и набросился на них так, будто с роду не видел.

– О-о-о, пона одя-ока!

– Угощайтесь, – со скрипом в голосе предложил Степан.

Он внутренне возмущился нападкам Пайрии, но решил смолчать и не портить приятные впечатления от гостеприимства. Степан взял персики больше для себя, нежели для угощения. Ему нравилась мысль о том, что всякий раз даже в самой холодной дороге они сохранили в себе частичку теплоты.

– Вы их никогда не ели?

– Давно-мана охотника привозите! Осень давано-мана!

Пайрия разорвал пакет и принялся жадно поедать с неподдельным аппетитом. Он небрежно надкусывал фрукты и обильно пуская сок, страстно чавкал, будто целовал губы любимой женщины. Воспользовавшись увлечённостью Пайрии, Степан всё же решил один из персиков припрятать в куртке и оставить у себя на всякий случай, как весенний талисман, которым можно подкрепиться на обратном пути. Он пригрел его под одеждой вместе с бутербродами и закрыл внутренние карманы на замок.

Переменяясь с терпким ароматом заваренного чая, в чуме чувствовался резкий запах шерсти, крепкого мужского пота и древесного прения, но просачивающаяся из скрытых зазоров меж прослойками кожаных покрытий приятная зимняя свежесть развеивала вонь. Степан быстро привык.

– Это удивительно! Вы сами делаете такие жилища? – осторожно отпивая из чашки, спросил Степан и обвёл взглядом стены.

Едва он успел оглядеться как знакомый вкус чая во рту почувствовался невыносимо приятным, заставил замычать от восторга, закивать и зажмуриться.

– А?! Да-да. Чума-мана осень крепкая, – усаживаясь рядом, начал Пайрия.

На неразборчивом, едва понятном языке он сказал, что хижины хоть и разборные и выглядят хрупкими, но являются прочными и устанавливаются по старинной, проверенной веками технологии. Даже самые небрежно собранные выдерживают сильные ветры в открытой тундре.

– Не ну бывать, конечно, сваливать. Но редко, это еси ставить не уметь. Совсем-совсем не уметь-мана. Тогда все сразу помогать, – сжал кулаки Пайрия, словно обеими руками растягивал перед собой короткую веревку. – Все друг за друга помогать дружно держаться.

Обучению постройки и уходом за жилищем у ненцев начинают с ранних лет и уделяют этому особое внимание. На один чум более тридцати шестов уходит. Сверху их покрывают и бережно укутывают двумя слоями нюков, сшитых из шкур оленей. Укладка тоже особенная. Первый слой – мехом внутрь, а второй – наружу. Всего на зимнее покрытие чума требуется, как понял Степан, более шестидесяти шкур.

– Бедные олени. Наверняка страдают от такого убоя.

– Не-е-е-т-мана! Нета! – помотал головой Пайрия.

Он уверил, что ненцы, да и вообще все местные племена, испокон веков всегда относились ко всем животным тундры с уважением. Берегли, разводили и больше чем нужно не забивали.

– Что для нас оленя-мана? – отпивая горячий чай, сказал Пайрия, – и в месяцы листьев и холода ездема на нёма. Одеваемся в оленя, оленя даёт пищу-мана и жильё. Поэтому оленя у нас многа. Чем больше-мана, тема лучише. Настоящего оленя никогда не бывать мало.

– Зачем тогда вы охотитесь на оленей, если вы о них заботитесь и разводите?

– Да это и не мы-мана, а ребята Пераварукога. А эти наше-мана свои родные-мана, а они на диких-то и не только оленя. Волка, кабана, лисицу. Медведя ещё, – с тенью недовольства проговорил Пайрия.

– И вы им позволяете?

– Они нас защищать. От голодного зверя-мана и таких, как они сами. Только других, – объяснил Пайрия и тоном дал понять, что не желает продолжать об этом разговор.

– В других стоянках тоже есть ещё охотники?! – переспросил Степан.

Пайрия кивнул.

– И бандита. Опасна бывает нас грабить-мана. Нападать. Валадимера защищать, без них опасна-мана, – он опустил взгляд, сдерживая в себе тревогу, сожаление и грусть, будто расписывался в собственной беспомощности.

Степан призадумался и вновь отпил чай. Не зря он сюда прибыл. Удалённость цивилизации способствовала усилению беззакония. Здесь всюду были преступления и тайны,

скрытые плохо, неуверенно, впопыхах, заставляющие всё время обращать на себя внимание. Казалось бы, к чему они в заполярном кочевом поселении? Степана это насторожило, но любопытствовать он не стал. Не любил назойливо совать нос в чужие дела. Не хотел тем самым подтверждать и без того скверную репутацию профессии журналиста, но тайный следователь в нём ликовал от пребывания в нужном месте в нужное время.

– А у вас в стаде и самцы и важенки? – сменил тему Степан.

– Да-а-а-а, последних, даже больше-мана, – улыбчиво проговорил Пайрия, – так что друзья Црына есть из кого выбирать. Только вот для упряжи они не годятся-мана. Не ходовые. Для нарт нужна сильный-мана, рогатый! – добавил он и сложил над головой руки растопыренными пальцами, будто подтверждая правдивость сказанных слов.

В чум вошла хозяйка – невысокая женщина, которая недавно проверяла загон. Она была одета всё в ту же плотную шубу и махровую бордовую косынку. Степан привстал, вежливо поздоровался. Женщина что-то сказала на нен-ваде в ответ, отряхнулась от снега и стала хлопотать у печки.

– Это жена моя-мана. Красавице Ырнла, Она по-вашем совсем не говорить, – представил её Пайрия и широкой улыбкой обнажил кривой ряд полусгнивших зубов.

– Рад знакомству, – ответил Степан и обратил внимание на хозяйку.

Загорелое обветренное лицо с мелкой сеточкой первых морщин, узкие студёные глаза в тесном обрамлении густых ресниц и чёрных бровей. Низкорослая, полноватая, со слегка отдающей масляным блеском кожей, типичная представительница местного племени. Степан не нашёл в Ырнле ничего симпатичного и привлекательного. Позже она вытерлась, а Пайрия объяснил, что кочевники намазываются оленьим жиром, чтобы уберечь кожу от мороза и ветра, а для похода в лес используют специальный настой на древесной смоле с особым веществом, чтобы добавить себе силы, скрыть человеческий запах и задобрить хранителей тайги. Степан для себя заметил, что многие о них здесь говорят, но ничего удивительного в этом не нашёл. Ненцы – народ суеверный, крепко верящий в древние заветы предков и строго чтивший старых богов.

– У вас удивительный уклад жизни, не чувствуете себя на отшибе? Не ощущаете затерянными где-то в лесотундре? – вновь перешёл к расспросам Степан.

– О-о-о-о нет-мана! Чего ты! Нам самим-мана тута хорошо. Города сильно шумный. Нет природа. Совесема нет. А здесь, – Пайрия запнулся и глубоко вдохнул полной грудью, – побывав однажды-мана захотеть остаться навсегда. Сам потом поймёшь, – улыбнулся он и захрустел печеньем.

Пайрия улыбнулся с хитрым прищуром, как будто что-то о Степане знал. Он чего-то недоговаривал, но ждал, что тот сам обо всём узнает, и был готов указать путь. Степану приходились по душе эти недомолвки. Они его изрядно дразнили, подначивали с головой погрузиться в разгадки таящихся здесь секретов. Он хотел как можно больше всё обо всём разузнать.

– Ну не знаю, по мне так слишком холодно и как-то первобытно.

– Это ты ещё зима не знать, когда ссать замерзать сразу, – посмеялся Пайрия.

От таких подробностей Степан едва не поперхнулся чаем и слегка откашлялся. Пайрия заботливо похлопал его по спине. Степан пришёл в себя, прервался и заметил лежащие пучком иголки странного кисло-салатного цвета. Вначале подумал еловые, но присмотревшись понял, что на деревьях такие не растут.

– А это что?

– Шкура зеленого ежа, – пояснил Пайрия.

– Кого?!

– Ежа зеленого. Тута такие водятся, – он махнул рукой так, будто на что-то повседневное. – Забегают вредители. Припаса-мана жрут. Мы их гоняем, но не ловим. Не отстреливаем.

Кормим, приручаем. Они безвредные если собаки не гоняют. Смелые однака. Мы видим их вестниками, добрыми знаками тайги.

Степан удивился от важности истории и в недоумении пожал плечами.

– Вижу вы тут среди такой диковинной живности как пить дать не скучаете.

– А то!

– Как развлекаетесь? Гонки на оленьих упряжках, наверное, проводите?

– Да бывает, обкатывается. Гонки на оленя-мана, только в праздника-мана! На день оленевода-мана, – улыбнулся Пайрия, – А така забота-мана и без того хватает! Жизнь в тундра одна радость всё время. Поймёшь только, когда тут много время проведёшь.

– Ну-у-у-у, не знаю. Наверное, – пожал плечами Степан и сделал свежие заметки на бумаге.

К словам Пайрии он выражал сдержанный скепсис. Степан с трудом понимал ненцев и не осознавал, что их тут держало. Он недоумевал, почему эти люди всю жизнь шли за оленями по ледяным просторам тундры. Может, их тут держала зима, или затягивала какая-то непостижимая воронка снежных степей и дальних странствий? Что бы это ни было, но притягивала людей сюда не одна природа и не только те её особенности, которые бросались в глаза. Степан ценил неповторимые ощущения уюта и тепла, что сейчас здесь испытывал. Таких, безусловно, ему нигде больше не почувствовать, но удобств цивилизации не хватало. Сейчас бы принять тёплую ванну, развалиться на мягком диване под телевизором, но и вместе с тем придаться обыденной скуке, которую он в глубине души люто ненавидел.

– Вот-е, смотри-мана. Одни говорище? Секущено-мана?

Пайрия достал из-под лежанки с виду старый, потрёпанный альбом, подсел к Степану и, раскрыв где-то на середине, стал листать фотографии разных лет.

– Вот здесь-мана мы осень на Ямале. Переход через река. Сильный, шумный, – рассказывал он, показывая, как все кочевники вместе преодолевали бурную водную преграду на пути к новым стойбищам.

Упряжки оленей с нартами, гружёнными провизией, личными вещами и разного рода снастями, перетаскивались через реку. Все кочевники действовали единой командой, слаженности которой можно было только позавидовать.

– Вы путешествуете на оленях, а если что в пути случится, вы с собой запасных не водите? – полюбопытствовал Степан.

– Не-е-е-т! Ха-ха! – рассмеялся Пайрия. – Мы проверенных-мана в нарта запрягать. А если щито, то отборных из стада взять. Вон мы какой большой его гнать, – добавил он, указывая на тянущуюся вдоль фотографии вереницу оленей.

Животных было много, несколько сотен голов. Казалось, погонщики пасли здесь всю популяцию. Степан широко распахнул глаза, но видя ухмылку Пайрии, застеснялся и почувствовал себя неловко.

– А тут ловить зимний рыба вместе с другими-мана, – показывал Пайрия на то, как несколько ненцев сидели возле проруби на льду где-то среди заснеженной тундры.

Среди местных были люди в похожих одеждах, того же кроя, но другой расцветки. Пайрия пояснил, что у каждого племени есть свои отличительные знаки, собственные особенности, поверья и обычаи. Во многом схожие и всё же различимые, но это никогда не служило поводом для распрей. Все северяне жили в Заполярье единым народом и все были по-своему разные. Племена относились друг к другу с почтением и часто дружили между собой. Всех объединяла общая борьба за выживание в суровых условиях полярных степей или жестоких зим холодной снежной тайги.

На одной из фотографий Пайрия и несколько соплеменников сидели у берега реки. На льду виднелись следы от полозьев и трещины, а дальше змеились отпечатки копыт. Ненцы выглядели вымокшими и продрогшими, явно высохающими после нежелательного купания.

На заднем плане Степан заметил странный изящный силуэт: ни человеческий, ни олений. Размытый, нечёткий, но особенно отличный от остальных. Невдалеке среди деревьев стояла молодая девушка приятной наружности, одетая в тонкую оленью шкуру и шапку с высокими закручивающимися рогами. Большие и высокие, они заворачивались навстречу друг к другу спиралями и казались свежими, словно недавно снятыми у животного с головы. Степан удивился такому декору. Наверняка в нём было неудобно ходить. Плохо различимая, в облегающей одноцветной шубке, незнакомка сразу привлекла внимание. Весь мех на ней украшали извилистые узоры, словно нанесенные на тело белые татуировки, повторяющие контуры закручивающихся рогов. Степана поразила надетая на девушке необычного кроя одежда, обтягивающая, словно комбинезон, не похожая на балахонистые малицы ненцев или же дутые куртки охотников. Шерсть на ней так плотно прилегала к телу, что со стороны казалось, будто была незнакомке родной, собственной. Пайрия поторопился перевернуть страницу альбома, но Степан успел подставить руку.

– Пойдите, а это кто?

– Та эта местная-мана, лесная – видя любопытный взгляд Степана, ответил Пайрия. – Нам помогать. В тундра все свои друг другу помотать. Мы провалиться-мана под лёд, она тоже на нём плохо стоять, но помочь нам выбраться-мана. Она меня спасать.

– Из какого-то необычного таёжного племени? – глядя на девушку, предположил Степан.

Пайрия кивнул. Она выглядела стройной и изящной. Даже на поблёкшей фотографии Степана восторгала её нежная плавность форм до помутнения сознания. Ему было страшно и представит, что можно испытать встречу он в живую подобную особу. Её однотонная шубка сидела тесно, как закрытый купальник из короткой шерсти. На теле она выглядела притягательно, подчёркивала манящую плавность соблазнительных женских изгибов так, что Степану привиделось, будто бы девушка была и вовсе голая. Это показалось нелепым в лютый мороз. Может, она так смотрелась потому, что намокла или ещё из-за чего, но Степан удивился, что вообще можно пошить одежду подобным образом. Вряд ли она хорошо сберегала тепло. Незнакомка держала осанку гордо, смотрелась необычайно величественно, видимо, была значимой фигурой.

– Раньше мы бывало-мана дружить. Они принимать к себя пойманных бандита-мана, тех, кому не места среди нас изгнанных из племени-ма, но теперь всё прошло.

– Они их наказывали?

– У себя оставляли, но те времена уйти, далеко-мана уйти, – с грустью проговорил Пайрия и перевернул лист.

Степан задумался о необычных правилах здешнего правосудия. Он решил непременно наведаться к местному таёжному народу и продолжил рассматривать альбом. Живописные фотографии запечатали изображения скалистых горных перевалов, стоянок среди пастбищ, лесных опушек и рек. Обширные травянистые плато, на которых междуречья и угнетённые снегом редколесья чередовались с кустарниковыми и обледенелыми степями. Степан поражаюсь дивным видам, но необычайно привлекательная девушка впечатлила намного сильнее и не выходила из головы. Он хотел как можно больше узнать о природе её возникновения. Откуда взялась и почему не походила на представительниц местного племени? Степан даже подумал, что она могла быть связана с пропажами людей в здешних местах, но Пайрия не отвечал на вопросы о незнакомке и старался сменить тему. Давал понять, что разговоры о ней неприятны. Видя, с какой болезненностью он воспринимал расспросы, Степан решил хозяйка чума не злить и не портить к себе отношение, планируя позже обязательно докопаться до истины.

Природные виды поражали многообразием и даже на старых, затёртых фотографиях представлялись интересными и удивительными. Одним из таких необыкновенных явлений Степану показались необычные каменные изваяния, стоящие рядом друг с другом на неболь-

шом плато рядом с кочевниками. Поросшие зарослями и лишайником по форме они напоминали людей, выглядели низкорослыми, словно карлики и казались искусно слепленными идолами. Они воспринимались будто живыми. Степан нашёл странным отсутствие вокруг каменных статуй горной породы. С первого взгляда им тут не откуда было взяться, а ведущие назад в лес следы будто свидетельствовали о том, что каменные изваяния пришли из тайги сами. Степан, задумался над наблюдениями, но находясь под впечатлением от недавно увиденной незнакомки, решил Пайрию не допрашивать. Глядя на каменные идолы, он гадал кто бы это мог быть: возможно олицетворения древних северных богов, а может очередная неизвестная находка людей и они сами вокруг притопали снег в желании поближе рассмотреть. Степан так и не понял, на мутном фото было трудно разглядеть. Он мало интересовался мифологией и посчитал это незначимым для дела, стараясь не смешивать работу и личные впечатления.

Листая альбом, Пайрия внутренне погружался в особенно радостные события прошлого так, словно они происходили недавно. Он делал это с таким рвением, будто хотел заглушить в себе вновь возникшую боль откликнувшихся горьких воспоминаний. Пайрия во всех подробностях вспоминал погоду, настроение, все действия до мелочей, проживая всё вновь с прежними эмоциями. Он обо всём рассказывал в ярких красках и с должным азартом, иногда эмоциями превосходя красоту запечатлённых на фотографиях, образов. Несмотря на его старательность в высказываниях, Степану было тяжело всё понять. Пайрия средне владел языком, но считался среди местных самым лучшим умельцем, и никому не позволял ставить под сомнения собственные умения. Степан разделял его восторг и про себя замечал, что нигде, даже на сравнительно недавних фотографиях охотников Перворукого не видел. Эта странность заставляла задуматься. Степан невольно вспоминал об исчезнувшей в конце восьмидесятых годов советской экспедиции Петра Праворукого, отправившейся в окрестные зоны и без вести пропавшей среди снегов. Перед поездкой в Хымвынар Степан собирал информацию о путешествиях в лесотундру и накануне наткнулся на статью о полярниках позднего советского периода. После всего увиденного Степана начали одолевать подозрения, и он решил поинтересоваться у Влада при встрече, знает ли он о судьбе экспедиции, исчезнувшей во льдах.

Позже Пайрия показал длинную лозу, сделанную из деревянной излучины, с натянутым кожаным ремешком и древком со сверлом посередине. Инструмент походил на те, которыми раньше добывали огонь. В городе эту диковинную конструкцию можно встретить разве что в музее, а тут, со слов хозяина, она широко применялась.

– А вы вообще пользуетесь современными инструментами, ну, скажем, для ремонта саней? – спросил Степан.

– Новый-мана трудный понимать-применять и ломаться часто, а где тут в тундра ремонт? А свой-мана везде можно сделать и починить сама. У наса и пила ваша есть-мана и машина. Но наша вещь надежнее-мана, проще и как-то роднее, – пояснил Пайрия.

Степан ответил вдумчивым молчаливым согласием и откусил хлеб с колбасой. Прожевав, он вдруг заметил лежавший в углу странный предмет, состоявший из наклепленных неважно друг на друга мохнатых шишек, обтёсанных с разных углов и выточенных аккуратными срубами. Степан приблизился и внимательно осмотрел. Вещица обладала странным сладковатым запахом, не характерным для еловой хвои и напоминала неумело сделанную куклу или ещё какой ритуальный идол. Она не походила на изделия, изготавливаемые местными, выглядела необычной, выделяющейся, чужеродной.

– Забавная поделка, что это? – беря в руки, поинтересовался Степан.

– А игрушка-мана сына охотника-ма. Он такие любит, у нас их много. Это тут забыл, – ответил Пайрия, взял её у Степана и отложил.

– Детям вы их по-особенному делаете?

– Та-да-а, эта не мы.

– А кто?!

– Это дары тайги бывать находим. Их приносит лес.

Степан заинтересовался. Пайрия опять говорил загадками, ссылаясь на древние поверья. Общение местных народов выглядело необычным для чужеземцев, и ничего удивительного в этом не находилось, но эти слова хозяин чума сказал с особенной тревогой, будто что-то таинственное за ними скрывал.

Глава 2. Мистические истории

Степан с Пайрией вели размеренную беседу, пока снаружи не раздались скрипы шагов. У входа затоптались. Рядом с чумом послышались разговоры. Голоса принадлежали охотникам. Владимир подошёл ближе и крикнул что-то по нен-вада. Пайрия ответил с недовольством, после чего внутрь вошли уже знакомые Степану по первой встрече трое охотников.

– Ну, тут тебе, наверное, много чего наговорили! Давай-ка и я, пожалуй, рядом присяду и что-нибудь да расскажу! – прохрипел Владимир. – Думаю, читателям твоим куда интереснее узнать про охоту, нежели про скучные подробности местных обрядов.

Зашедшие разместились в чуме, сняли верхнюю одежду и расселись на лежанках вокруг стола. Пайрия достаточно враждебно поприветствовал гостей и отодвинулся, нехотя уступая место.

– Ну почему же? Хорошая история всем богата, – шутливо возразил Степан. – К тому же дорогу к вам новую проложили и теперь от туристов не отвертись!

– Ха! Ты слышал?! Дорогу! Ну-ну! – обратился Анатролий к Лешему и толкнул его в бок.

Охотники дружно рассмеялись, а Пайрия взглянул на Степана с молчаливой надеждой. Владимир снял большие меховые перчатки и растёр руки у печки. Анатролий и Леший расположились рядом. За спиной у каждого висела винтовка с длинным стволом, начищенным до чёрного металлического блеска.

– Не хочу показаться невежливым, но мы завтра снимаемся со стоянки, – начал Владимир, – чую, скоро начнутся метели. Между непогодой нужно успеть перебраться в более надёжное место.

Пайрия удивлённо на охотников посмотрел и получил в ответ строгие, подчиняющие взгляды.

– А куда вы отправитесь?

– Да куда олень повезёт, – усмехнулся Леший, скрыв улыбкой недовольство.

Степан понял, что охотники не хотят распространяться о намеченных планах и подробнее расспрашивать не стал.

– А тебе прямо всю правду подавай на блюдечке с голубой каёмочкой? – едким, противным голосом спросил Анатролий.

– Можно и с розовой.

– Ох, журнализд, значит такой жополизд-приколист. Только знай, тайга таких не любит и подарки не преподносит. Всё с трудом нужно добывать.

Степан стал серьезен.

– Дорога ожидается трудной, не для городских, – продолжил Владимир, – а обратно добираться и вовсе будет тяжело, так что завтра отвезём тебя назад.

– Да нет проблем. Я собрал уже достаточно материала для отменной статьи, – перелистывая блокнот, проговорил Степан, – мне бы только на охоту и попасть...

– Конечно попадёшь! А как же?! Покажем тебе все самые дикие места. Ну, а на том всё.

Владимир ударил Степана по спине, так что тот едва не выплюнул прожёванный кусок бутерброда. Пайрия посмотрел с тревогой и обвёл охотников взглядом, так будто хотел понять не задумали ли они чего.

– Кх-кх. Я думаю, буду впечатлён не меньше, чем от здешней обходительности.

– Ты главное в статье всё прям вот, как надо передай, – пригрозил указательным пальцем Анатролий.

– Обязательно, постараюсь.

– Не постараюсь, а так точно товарищ старшина! – поправил он и продемонстрировал свою строгую армейскую выправку.

– Слушаюсь! – ответил Степан и козырнул.

– А что это вы тут едите?! – оглядывая стол с печеньями и чаем возмущился Владимир. – Эй, мать, а ну-ка, накати на Гланаван! – обратился он к Ырнле и достал из-за пазухи бутылку, полную зеленоватой пузырящейся жидкости, похожей на тархун.

Хозяйка обернулась, скривилась и перевела взгляд на супруга. Пайрия кивнул и пододвинулся к столику.

– Нус-с-с! Сегодня у нас Гланаван, а это значит, что настало время пить Глынбр!

Владимир хлопнул в ладоши и разлил на всех напитков в подставленные деревянные кружки.

Анатолий с Лешим отложили в стороны ружья и с нетерпением замерли.

– Да не, я не пью, – возразил Степан.

Чуя витающий в воздухе крепкий спиртовой запах, он хотел остановить наполнение собственной чашки, но Владимир не принял отказа.

– Оби-ж-а-а-е-шь! Отказываться от нашей добротной северной настойки совсем негоже. Какое окультуривание без национального напитка?! К тому же это полезно! Как думаешь, мы все тут в мороз греемся?

– Да я уже понял, но не думаю, что распробую.

– Думать от-ста-а-вить! – возразил Владимир, – пока сам не попробуешь, не узнаешь!

– Эко ты засланец, – глядя на Степана, ехидно усмехнулся Анатолий. – Не ссы, не серебро роняешь.

Степан сощурился и скривился над тем, как он лишний раз высмеял его фамилию.

– Чтобы холод тебя не брал снаружи – тепло должно греть изнутри, – важно сказал Леший, словно только что поведал древнюю лесную мудрость.

– Ну, разве что чуть-чуть.

Степан неохотно согласился и позволил себе налить.

Тем временем Ырнла хлопотала у печки. Готовила она что-то мясное и поджаристое, похожее на колбасу из оленьих кишок. Выглядело омерзительно, но пахло заманчиво.

– Э-э-э-эх! Давай-ка накатим! – с задором воскликнул Анатолий.

Все разом стукнулись и залпом осушили разлитый по кружкам глынбр. На вкус он был странный – одновременно сладкий, солёный и кисловатый с резким, терпким, травянисто-шишечным ароматом. Напиток оставлял после себя горькое, пробивающее до слёз послевкусие и обжигающую внутреннюю теплоту. Неизвестно, из чего была сделана настойка, но в голову ударила неслабо. Сразу после нескольких глотков в глазах поплыло, а тело одолела приятная слабость.

– Ну как? – ухмыльнулся Владимир.

– Гхы! Креплёный.

Степан кашлянул в кулак, отставил кружку и поторопился закусить горький привкус бутербродом. Глынбр оказался убийственным – настойка сваливала с ног одним запахом. Видимо пить её могли только суровые мужики Заполярья. На бутылке следовало наклеить предостерегающую этикетку с надписью: «Напиток сибирского здоровья, сделанный сибиряками для сибиряков». Степан и сам был не лыком шит, но в компании охотников неприятно ощущал себя откровенным слабаком, городским избалованным парнишкой, который никогда не брал ни капли в рот. Он решил не уязвлять гордость, старался втянуться, от охотников не отставать и сделал ещё глоток.

– Упф, есть чем запить? – едва не подавившись, спросил он.

Охотники переглянулись и подали ему стакан молока. Степан не задумываясь залпом его высушил и только спустя время ощутил странноватый терпкий вкус, оставляющий после себя во рту приятную тянущую вязкость.

– Какое необычное, – заметил Степан. – Необычного цвета, оно с шоколадом? – спросил он, ощущая на языке приятный сладковато-сахарный вкус и вглядываясь в остатки цвета какао.

– Ага с разведённым! – усмехнулись охотники.

Ранее Степан пил оленьё молоко, но это было совсем другое, ни на что не похожее. Видимо у разных пород оно значительно отличалось в зависимости от ухода и условий обитания, не иначе как это давали самые лучшие. Сытное и питательное, словно парное, свежее выдоенное, насыщало чуть ли не с первых глотков. Откуда такое взялось – Степан не знал. Может, настаивалось по какому-нибудь древнему одному только северянам известному методу.

– А то, у нас оно своё, особенное, – гордо сказал Анатролий.

– Ты только особо не расходуешь. Много не нальём, – предупредил Леший. – Самим мало, тайга нынче такими дарами не щедрится.

Слева от себя Степан увидел сложенные рядом поленья, он удивился их здесь обнаружить и хотел спросить, к чему внутри чума складывают дрова, но не решился полюбопытствовать. Увидев, как Ыршла их брала и легко и непринуждённо ломала, Степан внезапно понял, что это оказалась замороженная рыба и пуще прежнего изумился.

Вскоре хозяйка подала первые угощения. Ели все горячую, жареную оленину, аккуратно нарезанные кусочки вяленого мяса и строганину из мороженого муксуна. Несмотря на то, что повсеместно эта рыба считалась деликатесом, среди кочевников Заполярья она была весьма распространена. Как выяснил Степан, северяне летом её в пищу почти не употребляли, а предпочитали больше постную рыбу вроде щекура и пыжьяна. А вот зимой жирный муксун хорошо насыщал. Его ели охлаждённым не только из-за того, что он хранился в холоде, но и потому что так казался вкуснее и был удобнее для употребления. С оттаявшего муксуна по рукам ручьями лился жир, а мороженный можно было резать и грызть, как таранку. Пробуя оленьё мясо, Степан восхищался его непревзойдённой сочностью и свежестью, слегка терпким запахом и чудесным неповторимым вкусом. Такого он нигде прежде не встречал. Аппетитное, хорошо прожаренное, таяло во рту, будто только что маринованное, и само ложилось на язык. Растворялось, плавилось маленькими кусочками, даже не чувствовалось волокон и хрящей. Степан не знал, то ли оно само по себе такое особенное, то ли приготавливалось по какой-то мудрёной технологии, но ощущалось чрезвычайно вкусным. Ему было почти не с чем сравнивать, он мало пробовал оленины, но эта, несомненно, оказалась лучшая из всех. Особенно мягкая, волокнистая, чем-то напоминающая говядину, отличалась некой едва уловимой подслащённостью, но не благодаря смеси приправ, а естественной пряностью. Сорт высшей пробы, приготовленный изысканным деликатесом. Мясо обладало непревзойдённым вкусом полярной дичи и одурманивало каждым кусочком. Закуска Степану понравилась до умопомрачения. Он нашёл её превосходным дополнением к крепкому напитку и даже хотел забрать с собой объедки.

Помимо прочего угощения Владимир достал из-за пазухи небольшой газетный свёрток и украдкой озираясь по сторонам, словно опасаясь, чтобы кто-нибудь не стащил, аккуратно развернул. Внутри оказалась похожая на курагу вязкая масса. Она неприятно пахла и имела отвратительный жеваный вид. Со стороны походила на густую смесь, которой намазывались северяне для защиты от холода. Влад поделился закуской с друзьями и вместе с ними её съел. Охотникам она явно пришлась не по вкусу. Они морщились, с трудом сглатывали и торопились как можно скорее запить, иногда хватая даже Глыбёр. Охотники принимали её будто лекарство, но Степан сомневался, что все здесь разом болели, скорее подумал, что это могла быть особенная укрепляющая смесь от мороза, сделанная по древнему рецепту северных народов. Он потянулся и тоже хотел попробовать, но Влад шлёпнул его по руке и спрятал обратно свёрток.

– Куда полез?! Это только для нас!

Степан не стал настаивать и расспрашивать о том, что они ели, глядя на то, как кривились Анатролий с Лешим, он думал, что не многое потерял.

Позже Ырнла поднесла остальные блюда, обещающие необычный десерт. Пахли они всё также вкусно, но выглядели отталкивающе. С щедрой хозяйской руки она подала еду на стол и без лишней скромности буркнула что-то на родном языке, явно не пожелав охотникам приятного аппетита. Вела себя так будто они её объедали.

– Ну-ка дикарка! Спой нам что-нибудь! – Владимир привстал и шлёпнул хозяйку по бедру.

Степан едва не подавился от подобного неуважительного жеста и громко откашлялся. Не такими самонадеянными невеждами и бескультурными грубиянами он представлял себе кумиров. Пайрия обжёг Владимира взглядом и поджал губы, но ничего не ответил. Опасался, будто знал, что опьяневшие охотники способны вытворить что угодно.

Ырнла села в стороне, рядом с мужем и, стараясь отвлечься от обиды, затянула длинную заунывную песню. Она умело играла голосом, как профессиональная певица. Степана удивило, то с какой непринуждённой лёгкостью Ырнла брала высокие ноты. Ранее неразборчивые и грубые слова нен-вада теперь сплетались в удивительно мелодичное созвучие. Степан был очарован волшебным горловым пением. От изумления он разинул рот и чуть не выронил кусок жёванного мяса. Песня овивала умиротворением. Успокаивала и смягчала накалившуюся в воздухе атмосферу неприязни. Слушая мелодию, хотелось тотчас же подняться, расправить крыльями руки и устремиться в полёт вдоль бескрайних тундровых степей вслед за долгими протяжными звуками. Она походила на колыбельную, но не убаюкивала, а зачаровывала, не казалась монотонной и занудной, а заставляла вслушиваться и проникаться таинством звучания.

Долгое время письменность местные народы не знали, потому передавали вехи собственной истории из уст в уста, часто слагая песни о значимых событиях жизни. Песнопение у ненцев почиталось и приветствовалось. Для многих оно считалось знаковым и являлось голосом души.

Затяжное пение Ырнлы скрасило неприятный вкус добавки и колких взаимоотношений между охотниками и Пайрией, позволило хотя бы видимо друг с другом примириться и продолжить трапезу. Степан внимательно вслушивался в необычные звуки, испытывая неповторимое наслаждение, но охотники его восторг не разделяли и будто всё ещё голодные, увлекались ужином.

У каждого на округлой глиняной тарелке лежали свежие олени потроха. Сыроеденье у ненцев считалось почётным, но не из-за дикости, а как пояснил Пайрия, чтобы сохранить бесценные витамины в животной крови. Плохо прожаренные кусочки мяса выглядели омерзительно. На вкус они чувствовались резкими, солёными, но были сытными, и после первых нескольких кусков не казались уже особо противными. Как Степан ни пробовал угощения, последние блюда понравились меньше рыбы и только испортили впечатления от оленины, но под такое музыкальное сопровождение любая мерзость воспринималась изысканным деликатесом.

Ырнла завершила песню, поднялась и вновь подошла к печке.

– Здесь на Хымвынаре, как видишь, мы живем охотничьим промыслом, – жуя, проговорил Владимир и обронил изо рта несколько крошек, – мясо, шкуры, меха...

– И рога, конечно же! – переглянувшись с ним, добавил Анатолий.

– А как же без них?! Ха-ха!

– А оленье молоко? – поинтересовался Степан.

– Важенок что ли? – уточнил Анатолий и облизнулся.

– Нет! Ты чего?! У нас, что тут ферма?! – обратился к Степану Владимир и толкнул в плечо Анатолия. – Их особо и не подоишь! Что пил, вот всё и есть. Тёлок специально не разводим, своих хватает, – бросил он на Ырнлу придиричивый взгляд. – Да и толку от них мало, только самцам утеха.

Владимир договорил и хищно оскалился.

– Сами и одежду шьём, – добавил Леший, едко поглядывая на хозяйку чума.

Она готовила у буржуйки и на охотников не оборачивалась, а Пайрия усердно ей помогал, будто намеренно стараясь отвлечься и не принимать участие в разговоре.

– Да вы прям, как я смотрю, на все руки мастера! Но самодельные шубы, с фабричными дублёнками, наверное, не сравнятся, – усомнился Степан.

– Это им до нас далеко! – возразил Анатролий.

– Тут главное не мода, а надёжность, практичность, материал, – важно сказал Владимир. – Вот, гляди!

Он взял свою шубу, лежащую вместе с винтовкой в стороне, и дал Степану потрогать за край.

– Семь тундр обойдёшь и нигде такого меха не сыщешь! Только здесь. Сюда за ним приезжают даже олигархи!

– Да-да, конечно.

Степан выразил сомнение и попробовал пальцами шерсть, чтобы убедиться. Мягкая, как шёлк, нежная, словно живая. Не скажешь, что оленья, совсем не похожая на ту, что была у Црына, хотя он выглядел явно здоровым и ухоженным. Она даже пахла по-другому, необычно сладко. Ладонь ласкали волосы, будто обнимали заботливыми прикосновениями, повторяя изгибы пальцев. Окутывали, обволакивали, словно сами просились в руку. Невероятная шерсть высшего сорта, заставляющая проглотить весь скепсис вместе с очередным куском мороженого муксуна. Степан никогда такой прежде не видел и если бы не знал, как тут всё делается, то наверняка бы подумал, что ткань прошла многократную текстильную обработку. Ощущая неповторимую мягкость волокон, он не мог поверить, что подобное можно изготовить вручную. В такое меховое покрывало хотелось немедленно завернуться калачиком и прожить внутри всю жизнь, не вылезая.

Степан открыл для себя заново представление о качестве меха и пошива шуб. То ли опьянение изрядно обострило чувствительность, то ли шерсть была действительно совершенна. Он погладил одежду дальше и заметил для себя, что она состояла не целиком из отборного материала, а имела лишь небольшие вставки и была кое-где прошита войлоком. Видимо, эта шерсть была по-настоящему особенной, может борловой, и принадлежала редкой породе оленей, чтобы её повсеместно использовать. Владимир с охотниками смеялись над восхищением Степана, а Пайрия смотрел на всё мрачно, с молчаливой печалью.

– Это самый лучший и самый редкий мех в мире! – воскликнул Анатролий, чокаясь кружками с Лешим.

– Кхе-кхе! Олений?! – переспросил Степан, удивляясь.

Охотники переглянулись, под недовольное бормотание Пайрии.

– Да, положим. Особенных важенок, – неохотно подбирая слова, объяснил Владимир.

– Он впечатляющий, но тонкий и короткий. Трудно поверить, что в нём тепло, – усомнился Степан.

– Жарко как в печке даже в самую студёную метель! Мех лёгкий и практичный, просто исключительный! Для терморегуляции важна не столько длина волоса, сколько его качество и плотность посадки. Тут она просто зашкаливающая! – разубедил его Анатролий.

– А мясо мы, наверное, ели тоже важенок?! Уж больно оно мягкое, сладкое и вкусное!

Охотники взволновались так, словно только что раскрыли все их секреты.

– Да чёрт знает, что нам приготовили! Мы не привередливые! Берём всё, что дают! – ответил Влад, будто оправдываясь.

– А что не дают, сами забираем, – добавил Леший и взглянул на хозяев чума с подавляющей угрозой.

– А как же моратории на сезон охоты?

– Тут они не действуют, – сипло ответил Влад и припрятал обратно шубу.

– Не боитесь заниматься браконьерством? Буква закона, судя по всему, сюда не распространяется? – спросил Степан и сделал в блокноте несколько пометок.

Охотники переглянулись, а Леший небрежно хлопнул его по плечу.

– Какое браконьерство?! Мозги что ли отморозил?!

– Больше уважаемому не наливать! – Анатолий взмахнул рукой, едва не задев развешенные над головой шапки и шарфы.

– Студёные зимы и холод тайги здесь у нас закон! – возразил Леший.

– Олени – группа животных с минимальным риском для исчезновения. Популяции так много, хоть жопой жри! Сам видел! – возвысил голос Владимир. – Да и во всей округе мы почти одни, кто так далеко заходит.

– Это точно-мана, – проговорил Пайрия с тихим недовольством.

– Животным ничего не грозит.

– Извините-извините. Не знал. А как же провизия и снасти? Вы не возвращаетесь за ними в города?

– У нас тут всё своё, отборное, – ответил Анатолий. – Мы совсем не бедствуем! Тундра и тайга кормят от пуза! – он обвёл взглядом полный обедков стол. – Торгуем в околотках и факториях. Покупателям хорошо и нам гоже.

– Но у вас нет почти ничего современного!

– Почему же?! Всё у нас есть! – возразил Владимир. – И новенькие снегоходы, и нужное охотничье снаряжение, и проверенные ружья, – перечислил он, похлопав ствол подпирющей стену винтовки. – То, что вы там, на большой земле привыкли мерить достаток городскими ценностями, на Заполярье не распространяется. Мы можем хоть завтра купить себе телевизор размером с футбольное поле, только куда его включать?! Разве что электричество бензиновыми моторами крутить!

Анатолий с Лешим рассмеялись.

– Тут совсем всё другое. Другая жизнь.

– Это-то я вижу. И не надоедает? Не хочется вернуться в города? Цивилизацию? – спрашивал Степан с лёгким недопониманием.

– Шутишь что ли?! Здесь охота круглый год. Просто рай. Ни на что эти места не променяем, – сказали охотники со сдавленным скепсисом.

– К тому же мы как-то и отвыкли от городской суеты, – опустив глаза, добавил Анатолий, – а тут всё привычное.

Леший ответил сдержанным молчанием. В желании высказаться он то и дело кусал губы, но по-прежнему безмолвствовал. Всё это дало повод Степану засомневаться, что всем охотникам тут нравилось. Наверняка можно было перебраться там, где теплее, на юг и, применив богатый опыт, половить более крупную дичь, но нет. Все они тут оставались мучительно долго. Что-то охотников без удовольствия держало рядом с непролазными дебрями дремучей тайги, и Степан собирался выяснить что именно.

– Собак в охоте, наверное, тоже используете?

– Да, вот только они с ними легко справляются, – вставил Анатолий.

– Кто?! Олени что ли?!

Степан удивлённо вскинул брови.

– Куда им, а вот хищники – проворные животные! – выдавив усмешку, пояснил Влад и толкнул Анатолия в бок так, что тот едва не поперхнулся.

Охотник в ответ кивнул и потянулся к кружке.

– Я гончих и борзых тут не видел. Одни лайки-погонщики.

– В нашем деле всякие сгодятся. Это как выучить. Собака – друг человека, а для охотника – верный товарищ и брат! – объяснил Леший.

– Кх-именно! – подтвердил Анатолий, откашливаясь.

– И как давно вы занимаетесь охотничьим делом?

– Да уже и не припомнить, – призадумался Владимир. – Ещё дед моего деда тут оленя бил. Пайрия нахмурился.

– Дед твоего деда говоришь? – видя сердитый взгляд хозяина чума, пробормотал себе под нос Степан.

Он вспомнил, что ни на цветных, ни на чёрно-белых фото нигде не встречал никого, кроме ненцев. Охотники были явно не из местных. Все как один матёрые, бывалые военные, отчуждённые от хозяйственных забот. Резали мясо крепкой, набитой рукой, да и внешне стью от северян отличались. Конечно, можно предположить, что их на фотокамеру кочевники не снимали, но скорее, охотники были нездешние, приехали сюда недавно и вряд ли по приглашению. Расспрашивать о затерянной советской экспедиции и закрывшихся подозрениях Степан думал неуместно. Голову брал пьяный дурман. Степан решил припрятать мысли до завтра и утолить любопытство с утра.

– Гланаван-мана, праздника большой добыча. Раз дича-мана многа, зачем-а завтра-ма в леса идти? – вдруг спросил Пайрия, тревожно поглядывая на Степана.

– И то верно! Зачем завтра идёте, если собираетесь сворачивать стоянку? – озадаченно переспросил он.

Охотники переглянулись.

– Так тебе ж надо показать! – проговорил Владимир и все разом рассмеялись.

– А не много-ма ли чести? – заметил Пайрия с иронией. – Нама бы тута помогать.

– Действительно! Кх-кхы! – подтвердил Степан.

– У нас в лесу остались незавершённые дела, – с сердитым прищуром сказал Анатролий.

– Настоящая охота никогда не бывает лишней, а стоянку и без нас соберут, – разъяснил Анатролий, сердито поглядывая на хозяина чума. – Лучше местных никто этого не сделает. К тому же другие охотники в стойбище остаются. Они помогут.

Пайрия ответил сдержанным молчанием, словно понял, что в разговор ему лучше не вступать.

– Каждый тут занят своим делом. Всяким рукам найдётся применение, никто без дела не сидит, а коли сидит – голодным будет, – добавил Владимир. – Так что и мы заняты должны быть. Дорога предстоит долгая, все после есть захотят. Людей у нас много, всех считать собьёшься. Свежая оленина будет как раз. К тому же, уверен, что твоя статья без впечатлений от охотничьего похода не обойдётся.

– И я того же мнения, – согласился Степан. – А какое вы оружие используете? Наверное, самое новое? Сейчас сложно на такое раздобыть разрешение.

– Нет ничего лучше старого доброго карабина сайги семнадцатого калибра. Владимир достал из-под лежанки длинное гладкоствольное ружьё с небольшим магазином, деревянным прикладом и выписанным на цевье именем Анатролия.

– Насколько я знаю, не очень современная модель, – глядя на оружие, усомнился Степан.

– Зато родная и надёжная. К тому же прошедшая не одну модификацию нашими руками. Отлично заглушает отдачу, так что мой семилетний сын может стрелять, – крутил в руках ружьё Владимир.

– У вас есть сын?! – переспросил Степан.

– Да от местной. Умерла, при родах.

– А-а-а-а, пошалил малость, – пригрозил пальцем Анатролий и улыбнулся. – Ух, него-дй!

Леший поддержал усмешкой.

– Ладно, мужики пошутили, и хватит, – Владимир осадил их серьёзным тоном, – земля ей пухом.

– А небо покрывалом, – добавил Леший.

– Скорей бы, – втихомолку пробормотал Анатролий и подозрительно осмотрелся.
– Сочувствую, – выразил соболезнования Степан.
– Мальчонку Лёшиком звать, смышлёный, крепкий, весь в меня, – гордо сказал Владимир.

– А вы нас не познакомите? – развеселился Степан. – Наверное такой озорник? – полюбопытствовал он, желая убедиться в правдивости сказанных слов.

– Это исключено! – воскликнул Владимир и тут же осёкся.

Охотники замешкались, вызвав подозрения.

– Он отдыхает и не любит приезжих, – резко ответил Владимир, так будто родной сын являлся тут последним кого он хотел бы Степану показывать.

– Так как же вы стреляете из винтовок не первого класса? Эффективность охоты ведь напрямую зависит от оружия? – вернувшись к теме, усомнился Степан.

– Не всегда. Запомни, стреляет не оружие, а люди, – вновь мудрствовал Леший. – Не каждое ружьё первому встречному даст из себя выстрелить, а эти винтовки так вообще особенные. Видишь, с секретом, чтоб абы кто не разгадал и кроме нас пользоваться не смог.

Он дёрнул защёлку рядом с задвижкой перезарядки, слегка оттянул назад и подержал, словно дожидаясь, когда в стволе щёлкнет патрон. Разрядил и вновь поставил на предохранитель.

Степан внимательно посмотрел, стараясь запомнить.

– Чё зыришь – глаза пузыришь?! Тебе всё равно никто такую не даст, – недовольно проговорил Леший.

– Не очень-то и хотелось. Я думал у вас ружья по новее будут. Вы же можете себе позволить последние модели!

– Да и эти хороши. Мы к ним привыкшие. К тому же последние быстро портятся. Ломаются, заклинивают на крепком морозе, а деталей, сам знаешь, здесь не сыскать. Везти с собой ящики запасных частей несподручно, – объяснил Владимир. – Современные ружья в Заполярье долго не живут, да и как ты сам заметил, сложно сейчас для них с разрешениями. Так что приходится довольствоваться теми, что есть, проверенными.

Степан всем видом выражал недопонимание и недоверие. Исходя из поведения охотников, он был уверен в том, что им тут в принципе ни на что никакие разрешения и вовсе не нужны.

– Это ружьё согревает мне руки. А ну отдай! – Анатролий выхватил у Влада оружие и прижал к себе как родное. – Не тронь! Моя маленькая, – он обнял винтовку, как любимую женщину, и заботливо погладил вдоль ствола, будто приглаживал ей волосы.

– Да вы и впрямь, как я смотрю, все тут одного поля ягоды, – заметил Степан, почесав затылок, и перевёл взгляд на Пайрию.

Тот в ответ недовольно скривился, будто только что съел лимон.

– Пользуетесь личными инструментами, собственным оружием. У вас того и гляди у каждого и сортир именной есть? – предположил Степан.

Охотники дружно рассмеялись.

– А то! Что ни тундра – вся наша! – заметил Леший.

В ответ на его слова Пайрия сердито свёл брови. Он явно не разделял веселья и общего приподнятого настроения охотников, всячески подавал недовольный вид, словно брезговал рядом с ними находиться.

– А ты, как я погляжу, парень с юморком? – заметил Владимир.

– Весь в меня, – добавил Анатролий и пригубил из кружки.

– Так у вас и научился! Того и гляди над каждой шмоткой и сам трястись начну.

– Как что-то плохое, – проговорил Анатролий с шутливой обидой.

– Вы так сильно дорожите местным вещами, инструментами, винтовками. К чему такая осторожность?

– Мало ли, вор объявится, – ответил Леший и, поглаживая обрамляющие рот усы, взглянул на Степана с подозрением.

Анатолий неуверенно поёжился и посмотрел на скупающего за спиной Пайрию. Он давно перестал помогать жене и уселся на лежанке позади всех в отдалении.

– Да будет тебе! Мы шутим! – хлопнул Владимир Степана по плечу. – Ну какие тут воры?! Живём дружно, все одной семьёй!

– Да уж. Это видно, – тихо ответил он.

– А насчёт винтовок-то?! Так мы особо и не заморачиваемся! Лучше этих нет! Сам проверял! Я охотник в третьем поколении! Жаль вот только у них есть существенный недостаток. Уж слишком шумят при выстреле.

– Угу. Распугивают всю дичь кругом, – согласился Леший.

– Но нам ведь и не нужно стрелять дважды! – подмигнул друзьям Анатолий и стукнулся с ними кружками, вновь полными настойки. – Ну и конечно, не советую тебе вести огонь среди скал или рядом с заснеженными склонами. Вмиг окажешься заживо похороненным, – отпил он и усмехнулся.

* * *

Охотники ещё долго праздновали и травили друг другу таёжные байки. Осушили бутылку, как следует натрескались. Степан уже не мог записывать. Он устал, не успевал, да и в глазах плыло. Говорить тоже едва получалось, язык заплетался от крепкой настойки. Руки тряслись, не слушались. Степан старался всё запоминать, надеясь, что с утра ничего не забудет. Истории проносились сплошной чередой, и вопреки стараниям, не задерживались в голове яркими образами, а оставались впечатлениями без подробностей. Но одна всё же привлекла внимание Степана сильнее остальных. Он чуть не протрезвел, когда услышал, с каким искренне напуганным тоном рассказывал её Анатолий.

– Говорят, что в этих местах объявился свирепый зверь. Неусыпный лесной страж, который отлавливает и убивает людей, по его мнению, приносящих вред природе, – намеренно понизив голос, начал охотник.

Сказанными словами он заставил всех присутствующих встревожиться. Проявить внимательность и настороженность.

– Всякая о нём тут ходит молва, разное люди говорят, что он безжалостный хранитель чащи. Дикий хищник. Таёжный дьявол! Поистине проклятая тварь. У него огромные рога. Острые и смертоносные, как клинки, – скривив пальцы, продолжал рассказ Анатолий. – Всем своим видом зверь внушает страх. Говорят, что увидев, его люди не могут пошевелиться от ужаса. Он разрывает жертвы на части и свободно заглатывает целые куски тел. Монстр огромен, как гора, у него большие глаза, горящие карим огнём, и зубы, острые, как гвозди. Зверь свиреп, неуловим, его невозможно ни выследить, ни поймать, говорят, он неуязвим.

– П-п-почему нельзя поймать? – заикаясь, переспросил Степан.

– Со временем зверь становится умнее, приспосабливается, адаптируется. Не попадает в прежние ловушки. Учится обходить капканы. Всех, кого мы потеряли на охоте в лесах, думаем, забрал именно он.

– И то убийство на перекрестке! Это, наверное, тоже из-за него?!

Охотники нахмурились. Все приняли серьёзный, сердитый вид.

– Не твоего ума дело! – рявкнул Владимир и проследил, чтобы Степан ничего не записал. Он даже не думал. Сидел, развесив уши, в ожидании продолжения истории.

– Кто-то считает его демоном, – проговорил Анатролий и покосился на Лешего, – местные величают злобным духом, – перевёл он взгляд на Пайрию, что лежал в углу, – другие диким монстром, – посмотрел он на Владимира, – но все сходятся в одном. Это самая опасная тварь из всех когда-либо живущих.

– Да всё это сказки! Не слушай тролля, он напрасно тебя пугает. Мало набрался за сегодня ерунды?! – перебил Владимир.

Степан обернулся, надеясь, как и прежде по поведению Пайрии определить правдивость сказанных слов. Хозяин с женой приютились на лежанке в противоположной стороне чума и с виду дремали. Степан испуганно сглотнул и поджал к себе ноги, судорожно ища в душе остатки храбрости.

– Сибиря, снега живут, но не всегда так было
тут, – вдруг тихо начал Пайрия, —
Давно сюда пришла беда,
Суровых дней сплошная череда,
Мы разгневали природу,
Многу умерло народу,
И злая матушка зима забрала всех навсегда.

Пайрия говорил необычно чётко, словно в трансе.

Произносил слова нараспев, будто слагал в песнопении часть очередной ненецкой легенды. Он вспоминал события давно минувших дней, особенно сильно въевшиеся в сердце и больно опалившие нутро, словно кислотой.

– И тою северной порой призвали мы народ лесной, чтоб звери излечили раны, – продолжал он в полусне:

Настал природы тёплый май,
Вновь возродился урожай,
И страж затих у гор, где мира край.
Но волею тревоги он освободился,
К великому несчастью спящий пробудился.

– Глупые рассказы, и суеверия! – отмахнулся Владимир и толкнул Лешего в плечо.

Тот едва ли пошевелился. Молча сидел, поглаживая усы. Степан выразил взглядом непонимание. Он не знал, кому и чему верить. Пайрия смолк и провалился в сон.

– Однажды мы заметили, как начали пропадать вещи, – продолжал Анатролий.

Он и сам был изрядно опьяневший, смотрел на Степана косым, мутным взглядом и с трудом шевелил языком.

– Дескать, подумывали, что ворует кто-то, но кому тут наше снаряжение надо? Местным и даром не нужно. Они всё равно не умеют им пользоваться и сторонятся современных вещей. Потом подумали, что просто терялось при переездах. Один раз это случайность, а дважды – уже заговор, – глядя, как в буржуйке тлело пламя, продолжал Анатролий,

В его глазах сверкали отсветы огня, а на стенах чума плясали тени, словно силуэты мистических чудовищ.

– Мы поочерёдно дежурили и замечали, как кто-то ходил среди ночи по лагерю, замечая следы, и собаки его не трогали. Боялись, скулили. Местные вскакивали с лежанок, в воплях, рассказывали о том, как слышали с обратной стороны чумов чьи-то шаги. Не человеческие, не звериные. Топот копыт. Не олений, – понизив голос, сказал Анатролий и озвучил сказан-

ные слова хлопками ладони о кожаную стену жилища. – Одна девочка из здешних увидела чудовище, поседела и потеряла дар речи. На подступах леса мы сами замечали обезглавленные трупы людей, вывороченные наизнанку человеческие останки с обглоданными костями, аккуратно сложенные, будто специально, и кровавые рисунки на снегу загадочных неизвестных символов. Местные говорят, что это древние запретные знаки, ограждающие посторонних от опасностей тайги.

– И-и-и-и что потом? – пугливо выдавил из себя Степан.

От всех этих историй его бросало в дрожь. Он ничего с собой не мог поделать. Во время опьянения Степан всегда чувствовал обострение страха.

– А ничего! Как капканы ни ставили, зверь так и остался неуловим, а своих мы всё теряем. Да причём ни каких-нибудь, а самых умелых, – огорчился Владимир и хрипло откашлялся.

– Местные говорят, что это берут плату духи чащи за то, что нас здесь терпят, – продолжил Анатролий. – Якобы за нами присматривает всеильный лесной хранитель. Мы, дескать, его разозлили и теперь он мстит. Наблюдает. Выжидает удобный момент, чтобы напасть и затащить к себе в чашу. Даже в повседневности здесь не покидает ощущение, как будто где-то там, по ту сторону тайги, за нами кто-то всё время наблюдает. Судит нас.

– Вот! Вот! Во-о-о-т! – едва не подскакивая, воскликнул Степан!

От громких криков Пайрия на лежанке повернулся на другой бок и тихо засопел.

– Я давно об этом хотел сказать! Кто-то следил всё это время за мной!

Владимир пихнул в бок Анатролия, будто небрежно, заставив тем самым замолчать.

– А-а-а-а, ерунда! Эти дикари, снегоходы наши когда увидели, принялись чуть ли не обожествлять, – усмехнулся Владимир. – Сказки всё, выдумки, да поверья. Старые и глупые, нелепые. Тебе и без них есть о чём писать. А насчёт слежки, да так всегда было. За нами тут всё время со стороны глазют. Мы же кругом среди зверья! – добавил он с натужным хрипом и мельком посмотрел на лежащего в углу Пайрию. – Нам уже не привыкать. А ты здесь новенький, вот и чудится всё с непривычки.

– В последнее время наблюдения стали особенно пристальными, – не сдержавшись, уточнил Анатролий.

Степан попытался ответить, но изрядно опьяневший выдавил из себя только несвязный бред. Он, наверное, говорил сейчас даже хуже ненцев и не рассчитывал быть понятым.

– Всё это ерунда. Да, Леший? Уж кому как не тебе всё знать о местных лесах и традициях?

Владимир продолжал выражать наигранное недоверие и взглянул на друга, в ожидании ответного согласия, но тот сидел в углу и не вмешивался в разговор.

– Я его видел однажды, – продолжил рассказ Анатролий.

Степан невольно вздрогнул. Он пытался ответить подобием связных слов, но вместо этого выходила забавляющая всех чепуха. После нескольких неудачных попыток Степан перестал пробовать. Он решил больше не пить и попытался с собой совладать.

– Далеко, в лесу, и краем глаза. Правда, тогда у меня вскочил ячмень, и было темно, да и не выпался к тому же, но я его видел. Точно видел! Когда стояла прошлая полярная ночь! Сквозь кущи проглядывалось звёздное небо, луна дрожала в невесомых облаках, – расправив руки и растопырив пальцы, словно коршун когти, проговорил Анатролий.

Он принял пугающий вид и навис над столом, как стервятник над добычей.

– Именно тогда зверь показал себя и забрал Геннадия. Я выстрелил несколько раз, но не попал. Погнался за тварью, упал и уже лёжа отстрелил ей ногу, но гадина всё равно удрала.

– Совсем упился что ли?! – возразил Владимир.

– Я знаю о чём говорю! – воскликнул Анатролий с упрямым отрицанием.

– Тебе в последнее время везде всякие черти мерещатся. Я тебе говорил, что это был дикий кабан! Я его потом хромого выследил и добил! На позапрошлом Гланаване его мясо сам же жрал! С одной ногой отстреленной тоже был!

– Я знаю, что видел! Это был зверь! – отмахнулся Анатролий, возражая то ли по глупости, то ли спьяна. – Я слышал его жалобный рык полный дикой ярости и бессильной злости! Не человеческий, не звериный! Вопль, леденящий кровь! Крик боли и ужаса! Это он забрал Геннадия, а не какой-то там кабан! Я обошёл местность и нашёл вот это!

Анатролий достал из-за пазухи небольшое оленьё копыто. Оно было аккуратное, гладкое на вид, словно отполированное. Даже выглядело, словно искусственно и уходило по центру вглубь небольшой продольной выемкой.

– Вроде обыкновенное, – едва справляясь с собой, проговорил Степан.

Он сидел и грыз ногти, чувствуя, как по спине бегали мурашки. Всё тело содрогалось, словно от холода, а голову кружил дурман.

– Да вот только гораздо меньше, не такое широкое и слишком уж ухоженное, – крутя в руке трофей, объяснял Анатролий.

– Думаете, зверя кто-то содержит?! Дрессирует? Намеренно на вас натравляет?! – всполошился Степан.

– Да кто его знает? Но после того случая мы сменили множество стоянок и долго не ходили в лес, но никого не встретили, а зверь, говорят, всё ещё бродит среди чащи. Выслеживает людей, как добычу. Нападает на кочевников, охотников, лесорубов, затаскивает в самые тёмные глубины тайги. Ищет нас. Желает отомстить. Но где он теперь? Никому не известно, – Анатролий пожал плечами, откинулся назад и облокотился о стену чума. – Тайга хранит свои секреты, только смелые и стойкие духом способны выжить.

– Только тогда она в себя примет нового обитателя. Только тот, кто пройдет испытание тайги, удостоится великой чести её уважения, – добавил Леший.

– Звучит почётно, – сказал Степан.

– Это великая награда. Лучшая из всех. Как и молчание, – с гордостью подытожил Влад и покосился на Анатролия. – Здесь нередко бывают времена, когда добыча сама становится охотником и несчастный тот, кто попадается ей на клыки.

– Животрепещущая история, – испуганно сглотнул Степан.

Леший сидел напротив и буравил его серьёзным взглядом. Влад тоже смотрел, нахмурившись, утяжеляя и без того угнетающую тишину. Снаружи по кожаным полотнам стен хлопал ветер. Шёпот догорающего в буржуйке огня прерывал повисшее безмолвие. Всюду ощущалось напряжение.

– Я всегда мечтал стать охотником, – разоткровенничался Степан и не представлял, каково это, но теперь, глядя на вас, услышав ваши истории, я понял, что это намного сложнее, страшнее и рискованнее, чем я представлял, – добавил он с восхищением.

– Погоди, ты ещё не видел самого главного, – улыбнулся Влад, – но ничего, поедешь завтра с нами, мы покажем.

– Не всякий удостоится такой чести. Охота – это не только убивать зверей, – начал Леший, – это дух, сила и воля, смысл жизни и понимание тайги. Жизнь с ней в единении как с супругой. И тот, кто её предаст, понесёт жестокую плату, – понизив голос до грубого баса, договорил он.

– Говорят, зверь бродил здесь недавно, – с пугающей таинственностью продолжил Анатролий. – Он рыщет повсюду, подбирается всё, ближе, как будто что-то ищет и пытается отнять, – договорил он и посмотрел на Владимира, но тот сохранил невозмутимость.

Степан молчаливо ответил повышенным вниманием.

– Вчера ночью слышались шаги неизвестного существа. Может, и сейчас он где-то, неподалеку, – Анатролий вновь обратил внимание на хлопанье стен чума.

Степан невольно перевел вслед за ним взгляд.

– Бу! – воскликнул охотник.

Степана всего передёрнуло. Он задрожал. Затрясся, как в лихорадке и, отмахиваясь руками, перевернул посуду на столе.

Анатолий разгоготался, едва не взрываясь от смеха. Громким ржанием его тут же подержали остальные охотники. Анатолий гоготал и хрюкал, не умолкая. Когда он смеялся, то принимал отпугивающий вид. Кожа обтягивала лицо, обнажая скулы так, словно её не хватало на черепе, утончалась и проступала венами, а челюсть выступала вперёд, открывая нижний ряд кривых зубов. Степан не видел прежде зрелища отвратительнее.

– Ха-ха-ха! Да мы шутим! А ты повёлся на шапку сухарей! Простак! – сквозь слёзы говорил Анатолий и бережно спрятал копыто в карман пуховой жилетки.

– Вот смеху-то, – переводя дыхание, недовольно высказался Степан.

Видя, что его и впрямь изрядно напугали, охотники успокоились и извинились.

– Нет никакой дикой твари! А ты тролля больше слушай! И не такое расскажет! Чем угодно тут можно пугать местных аборигенов! – унимая смех, привстал Владимир. – Ладно, нам уже давно пора, и так изрядно засиделись. Дорога завтра предстоит долгая. Надо выпасться. Поедем и тебя на охоту возьмём. Сам всё увидишь, если ещё не передумал.

– Да катитесь уже! Выметайтесь! – выгонял охотников Степан.

Они быстро собрались и покинули чум, оставив после визита скверный осадок хамства и невоспитанности. Гости ушли, но вдоль дороги ещё долгое время раздавалась их громкая междоусобная ругань. Степан огорчился. Согласия тут не было даже среди давнишних знакомых. Племена ненцев не в счёт.

Степан побрёл к своим вещам, сваленным рядом с лежанкой Пайрии. Из-за полярного дня было тяжело привыкнуть и понять, когда ложиться спать. Приходилось ориентироваться по самочувствию, биологическому ритму и наручным часам. На стрелки смотреть Степан уже не мог, стоял криво и всем телом ощущал усталость.

– Глупцы-мана, – слышались тихие слова Пайрии.

Степан насторожился и прислушался, старясь совладать с опьянением.

– Скоро она заберёт их всех. А ты вроде хорошая парень. Не ходи-мана в тайгу. Остерегайся. Хитрости, коварства её бойся.

Слова Пайрии прозвучали полусонным бредом. Степан не выдержал и бухнулся на лежанку.

* * *

Поначалу спалось плохо, кружилась голова. Тошнило. Хотелось в туалет. Степан чувствовал себя так, будто лежал на гамаке, привязанном между деревьями во время буйствующего тайфуна. Стоило закрыть глаза, как нутро чуть не выворачивало наизнанку. Тихо стоная, он схватился за пошитое из тёплых оленьих шкур покрывало, словно боялся перевернуться, и всеми усилиями старался переждать нахлынувшую бурю. Полотна стен хлопали, трепыхались. Слышались завывания ветра. Снаружи кружила вьюга, но Степана это не остановило, и когда особенно приспичило, он оделся и вышел в туалет.

Метель едва не сдувала. Щёки обжигало морозом. Будучи навеселе, Степан не чувствовал холода и силу стужи не ощущал. После рвоты значительно полегчало, но мочиться рядом с жилищем он не решился. Нашёл место поукромнее и с радостью справил нужду. Облегчившись, Степан побрёл назад. От метели слепило глаза. Качало в стороны то ветром, то спяна. Степан словно шёл по палубе корабля во время шторма, ощущая резкие снежные порывы холодными всплесками волн. Ноги сплетались, тело сотрясал холод. Степан плохо помнил обратный путь, сопротивляясь пурге, едва видел перед собой дорогу. Он беспорядочно шатался, как маятник в сломанных часах, боролся с опьянением и с трудом понимал, куда нужно идти. Впереди показался знакомый силуэт чума. Боясь быть сбитым с ног очередным

резким порывом, упасть в сугроб и остаться заметённым, Степан подошёл к входу, откинул ширму и нырнул внутрь.

Оказавшись в жилище, он сел на лежанку и облегчённо выдохнул, но радовался не долго. Осмотревшись, Степан понял, что зашёл не к себе. В глаза бросались всюду заставленные ящики с патронами, обилие современной техники: компьютеры, подключённые к большим аккумуляторным батареям, громоздкие установки связи и система спутниковой навигации с большими круглыми тарелками. Всюду виднелись ловушки, капканы, боевая амуниция, шлемы с оптикой, военные камуфляжи и уйма охотничьих вещей. Степан попытался разобраться с аппаратурой и связаться с диспетчером, но совладать с собой не смог. От любых мыслей снова кружилась голова. Он вернулся к лежанке и уселся, борясь с вновь подступившей к горлу тошнотой.

Руками ощущался непривычно бархатный меховой покров. Степан обратил внимание на застланное одеяло. Шерсть на ощупь была той же искусной обработки, что и шуба Владимира. Чувствовалась мягкой, воздушной, на запах сладкой, не похожей на оленью. Степан не упустил возможность в этот раз подробнее её рассмотреть, даже думал забрать себе кусочек. Он привстал и настолько внимательно насколько мог, осмотрел покрывало. Вдоль всей шкуры отчётливо прорисовывался людской силуэт, виднелись конечности, повторяющие формы рук и ног. Создавалось впечатление, что она была снята с человека.

– Что за дерьмо?!

Степан привстал и снова внимательно огляделся. Он не мог понять, что перед собой видел. Чью-то содранную кожу или всё же олений мех? Может, покрывало специально было так пошито. Степан сегодня навидался уже немало странностей и не знал, что и думать. Он провёл руками вдоль шерсти, швов не заметил и остался в недоумении. Голова соображала туго. Степан согрелся и, решив долго не задерживаться, собрался продолжить поиски жилища Пайрии. Одеваясь, он поднял взгляд и содрогнулся. В дальнем конце чума на лежанке дремал маленький мальчик. Лет шести-семи не больше. Он весь укрывался одеялом и выглядывал только макушкой. Его спокойный сон выдавало ровное тихое дыхание. Даже с хмельного взгляда он показался Степану необычным. У мальчика была темно-коричневая голова, словно целиком покрытая каурой шерстью, оттопыренные каплевидные ушки и торчащие на макушке маленькие рожки. Степан сначала подумал, что это чучело, но заметив движение, тут же в этом разубеждался. Он подошел ближе, чтобы посмотреть. Существо шевельнулось на шагах, повернулось, раскрылось и посмотрело большими глазами цвета темного янтаря. У него была покрытая тонким мехом человеческая голова со слегка удлинённым чёрным носиком, а в руках мальчик держал слепленную из обтёсанных шишек шарообразную вещицу.

– А-а-а-а! Оно живое! – Степан заорал и, спотыкаясь, выбежал из чума.

Метель чуть не сбила с ног, но он устоял, опираясь об укрытую шкурами стену, бросился бежать вперёд, крича и размахивая руками. Ноги проваливались в снег по щиколотку. Двигаться было тяжело. Стылый ветер хлестал в лицо льдистой снежной крупой и пронзительным воем заглушал вопли. Впереди, в вихрях пурги, показалась знакомая фигура. К Степану приближался один из охотников, по-видимому, возвращающийся к себе в чум. По чёрным усам, обрамляющим губы, он признал в нём Лешего.

– Там чей-то мальчик-олёнёнок! Настоящий человеческий оленёнок! С вот такими рогами! – разводя руки в стороны и едва не падая, прокричал Степан. – Это он! Я тоже его видел! Это таёжный дьявол!

Леший выругался, подошёл и ударил Степана кулаком по лицу, выбив из сознания.

Глава 3. Загадочная встреча

На удивление с утра у Степана сильного похмелья не было. Только слегка гудела голова и болела челюсть. Хозяева жилища ушли спозаранку. Степан запил все беспокойства таблетками с крепким чаем, подкрепился остатками вчерашней еды, собрался и вышел на улицу. Метель прошла. Погода к охоте и смене стоянки располагала. Из-под завесы туч пробивались яркие лучи солнца, а вокруг повисла безветренная тишь. Местные суеились, разнося тихий скрип шагов меж заснеженных чумов, торопились собраться, свернуть лагерь и отправиться до того, как метель возобновится. Никому не хотелось оказаться застигнутыми в пути бураном.

За сборами Степан наблюдал с интересом. Все поселенцы действовали слаженно, никаких лишних слов и движений. Женщины складывали всю домашнюю утварь в сумки из оленьих шкур, мужчины откапывали чумы, а затем разбирали и укладывали на грузовые нарты. С жилищ сначала снимали нюки и сворачивали в несколько слоёв, а когда все покрытия были сложены и связаны, брались за разбор шестов. Никто друг другу не мешал и не лез под руку. Примечательно было и то, что женщины не прикасались к инструментам мужчин, а мужчины к вещам женщин. Бытовые предметы здесь, как понял Степан, являлись не просто приспособлениями, а сугубо личными вещами, которые кроме хозяев никто не мог трогать – это было негласное правило.

Лайкам, видимо, надоело крутиться под ногами, и они запрыгивали сверху на груженные нарты. Старались не мешаться, держались в стороне от лагеря и бдительно наблюдали за происходящим.

– Хватит глазеть! К полудню тут уже ничего не останется и будет голая ледяная пустошь, – поставив руки на пояс, прохрипел Владимир.

С виду полностью оснащённый и готовый к охоте, только с непокрытой головой, он подошёл к Степану, отдалившись от компании друзей.

– Что вчера было?! Мне такое привиделось, и челюсть болит! – пожаловался Степан.

– Допился до чертиков, драться полез.

– Правда что ли?!

– Ты упал на мой кулак, – вставил подошедший сзади Леший.

– Вот как на туристов Глынбр действует! Обязательно об этом городских предупреди, а то начнут тут паясничать-буяннить! – усмехнулся Владимир.

– Эх ты! Слабак! – проходя, толкнул Степана в плечо Анатролий. – Стрелять хоть умеешь? – будто невзначай поинтересовался он и протянул винтовку.

С виду обычная Сайга, похожая на те, что были у остальных охотников, только со сколами на прикладе и оцарапанным словно когтями стволом. Она явно прошла через многое и побывала в горячих боях.

– Брал уроки, – неуверенно ответил Степан.

– В тире?

– На стрельбище.

– Хорошо. Это тебе не пугач, а боевое оружие. Относись к нему бережно, и оно тебя убережёт, – дал наставления Леший.

– Запомни, одинаковых винтовок не бывает. У каждой свой собственный нрав, особенный характер и настрой. Относиться к ней нужно, как к жене, – добавил Анатролий.

– Бить и колошматить? – отшутился Степан.

– С любовью и уважением.

Степан вскинул брови. Чрезмерная дотошность охотников к оружию, как и прежде, удивляла.

– Отчитаешься потом за каждый патрон, враг не дремлет. Не будем давать ему лишний повод в нас разочаровываться.

– Какой враг?! Вы о ком?!

Охотники оставили вопрос без ответа. Анатролий покрутил в руках ружьё, показал, как обходить его секреты, целиться, перезаряжать и снимать с предохранителя. Степан не понял, о каком именно противнике шла речь, но решил не переспрашивать и молча принял винтовку.

– Запомни, оружие – это ты. За его потерю у нас отрывают руки, – серьёзным тоном предупредил Владимир и отсыпал Степану ещё немного патронов.

– В обойме разве недостаточно?

– Лучше побереги про запас. Мало ли что, в тайге может случиться.

– Ружьё подписано, – заметил Степан гравировку на цевье.

– Да, это винтовка Геннадия, – ответил Анатролий. – Мы его потеряли недавно, но благо оружие сберегли, – опечалился он и вместе с Лешим отправился к стоящим поодаль снегоходам.

– А что с ним случилось? – поинтересовался Степан вдогонку.

– Его забрал зверь, – ответил Анатролий, не оборачиваясь.

Голос его дрогнул грустью и нотками тревоги. Совсем не походил на привычный шуточный тон.

– Не бери в голову. В ошибках и напастях тут всегда проще винить диких тварей, – сказал Владимир и уходя к своим, отдал Степану ледоруб. – Вот тебе на всякий случай. В снеговьях пригодится, мало ли где придётся лазать. Готовься, скоро выезжаем.

– Постой! – окликнул его Степан. – Перед отъездом я хотел ещё вот что спросить...

Владимир отозвался молчаливым вниманием.

– Вчера перед посиделкой Пайрия мне рассказал ещё об одном таёжном народе, живущем в лесу. Я так понял, он очень необычен и думаю, для статьи буде интересен. Не могли бы вы меня к ним завести, если нам по пути?

– А чего ж нет?! Как раз на охоту в их сторону едем, у них и от дороги недалеко. Там и распрощаемся, – улыбчиво ответил Влад.

Степана обрадовался, но тут же насторожился тому с какой лёгкостью привычно хранивший секреты охотник быстро согласился. Он хотел поподробнее о лесных жителях расспросить, но Владимир уже ушёл завершать последние приготовления. Степан закрепил ледоруб на поясе под курткой, собрал вещи и пошёл прощаться с Пайрией.

Хозяин племени запрягал большие нарты и встретил Степана приветливой улыбкой, но взгляд полнился беспокойством.

– Вот и настала пора завершиться нашей встрече, – вежливо проговорил Степан. – Был очень рад знакомству с вами, вашей жизнью и культурой. У вас удивительный народ, думаю, со всего этого удастся состряпать отменный репортаж. Жаль вот только вы вряд ли его прочтёте.

– А щито-тана. Ты приезжай к нама на великей праздника оленя на следующий сезона в постояннеи поселения далеко к востока отсюдава. Тама всё и показать, – улыбнулся Пайрия и пожал Степану руку.

– А это идея! Так и быть, оставляю вам экземпляр, в следующем году обязательно привезу! Пайрия подошёл ближе и с опаской посмотрел на охотников.

– Что-то не так? – поинтересовался Степан и полушёпотом добавил, – послушайте, если вы хотели о чём-то мне рассказать, то сейчас самое время. Никакой я не корреспондент, а полицейский под прикрытием, пришёл расследовать дело об исчезновении людей в этих краях, – признался он и украдкой показал удостоверение.

Пайрия удивился.

– Охотники как-то связаны с похищениями? Или держат вас в заложниках? Если вам что-нибудь известно, посодействуйте следствию и вам зачтётся.

– Но ты с ними уезжать?!

– Не переживайте, просто так, без улик я не уеду. Что-то тут не чисто и кажется мне, что охота многое прояснит.

– Это верняк.

– Я найду виноватых и их прижму, – уверил Степан.

– О-о-о! Я думать ты их в тайга найти! Непременно найти!

– Всё зависит от того, что мне там покажут.

– То, что ты ищешь – это жизнь внутри, – сипло проговорил Пайрия и посмотрел в сторону леса.

Степан принял слова к сведению и обратил внимание на то, с какой выразительной интонацией он их сказал.

– Будь-мана осторожен.

– Мне не привыкать. Так всё же, что вы об охотниках знаете? – выдержав короткую паузу, поинтересовался Степан так, словно вёл допрос.

– Он говорил, что найдёт дьявола, но дьяволом стал он сам, – сказал Пайрия под вой ветра и покосился на Влада. – Остерегайся его, как и тайги.

– Понятно-о-о, интересно-о-о. Спасибо за совет. Может, скажете что-нибудь конкретнее?

Пайрия затравлено оглянулся на стоящего поодаль охотника. Он находился невдалеке и, перебросив через плечо винтовку, пристально наблюдал.

– Тайга-ма терпения любит. Сам всё скоро узнать. Она сама тебе всё показать-рассказать, если ти-мана достоин.

– Хватит загадок! Говорите, как есть! – выходил из себя Степан.

– Подругома не узнать. Никак не узнать, – сказал Пайрия и повертел головой.

– Что ж и на том спасибо.

Степан понял, что охотники представляли здесь явную угрозу. Думал, что местные их не только боялись, но и точили зуб, при всём при этом возможно и сами что-то скрывали. Возможно, были соучастниками их тёмных делишек. В расследовании Степан старался не принимать ничью сторону и придерживаться нейтралитета, действовать не предвзято. Полагал, что всё может быть более запутанным, чем казалось на первый взгляд. Он – детектив, и должен найти всех виновных, кем бы они ни являлись.

Пайрия пожелал удачи. Велел быть в лесу осторожным и отдал Степану небольшой амулет в виде длинного когтя, облепленного со всех сторон клочками меха. Меж зазоров вплетались хвойные стебельки, скрепленные загадочной смолой, похожей на еловую или сосновую, сразу и не определить. Они источали странный, ни на что не похожий едкий запах, от которого сушило нос.

– Вот-мана. Прими, убережёт.

– Извините, но я не верю во все эти рассказы про духа тайги, которыми прикрываются охотники, – как можно мягче отказался Степан.

Он не хотел обидеть Пайрию своим скептицизмом. Думал, что страхи опасны, только если в них верить, а всевозможные мистические амулеты как нельзя этому способствовали. Мифы Степан оставлял мифам и предпочитал не смешивать реальность и вымысел. На его взгляд, они мешали рассудительности и аналитике.

– Ты поверишь, и тогда тебе потребуется это, – настаивал Пайрия и вопреки протестам отдал амулет. – Подарка-мана! Убережёт!

Степан согласился с тугим душевным скрипом и только чтобы проявить уважение. Пайрия его проводил и отпустил с благословениями от Великого Нума – местного самого могущественного божества, хранителя солнца и всеобщего прародителя. Степан подумал, что раз так,

то даже в самой глубокой таёжной чаще ему точно нечего бояться. Он искренне поблагодарил Пайрию за тёплый приём, надел оберег, заправил под одежду и направился к снегоходам.

Волнения Пайрии поселили в душе Степана сомнения о необходимости поездки в тайгу. Он думал остаться на стоянке под предлогом помощи кочевникам, а самому их как следует допросить. В отсутствии компании Владимира, наверняка он смог бы на них надавить и выведать всю правду, но в лагере ещё оставались охотники. Это всё усложняло. К тому же они настаивали на поездке, и Степан не хотел перечить. По характеру он был мягок и мало кого мог убеждать угрозами, кроме того живое и профессиональное любопытство подчиняло волю, вело на поводу у желаний, не позволяя себе в них отказать.

– А куда это они без нас?! – догоняя Владимира, тревожно спросил Степан.

– Не все охотники едут. Многие остаются помогать и чумы стеречь. К нашему возвращению лагерь уже будет свёрнут и готов к отправке. Туши будем свежевать уже на новом месте, а тебя отвезут обратно к дороге. Нам по пути. Смотри не свались, запахнись от встречного ветра потеплее, хиус в тундре пробирает до костей. Держись рядом и всё будет по красоте.

Владимир надел головной убор в виде плотной охотничьей шапки-канадки со свисающим сзади лисьим хвостом и боковыми отложными ушами. Нацепил снегозащитные очки и капюшон, обитый рыжим мехом, стянул завязки и пригласил сесть на снегоход позади. Степан скрыл голову в шлеме и прочно взялся за ручки сиденья. С двух-трёх заводов загудели моторы, и охотники отправились к тайге.

* * *

Вокруг простиралась бескрайняя равнина, припорошенная снегом, где стылый иней – продолжение неба, а облака белёсой кромкой бережно касаются земли. Необъятные ледяные просторы свободно просматривались до самого горизонта и тянулись далеко в белизну, насколько видел глаз. Вдали возвышалась длинная гряда Таймырского хребта с округлыми сопками, пологими и крутыми склонами и пышными снежными шапками. Облака нежно укрывали горные вершины, садились в низины и заполняли густым волокнистым дымом глубокие, скалистые перевалы в котловинах и впадинах.

Студёный ветер бил путникам в лицо. От мороза щипало щёки. Спасали только хорошо утеплённые одежды. Дорогу посыпал небольшой снежок, добавляя лишнее волнение охотникам. Все опасались возможной метели, но погода не ухудшалась, а лишь поддразнивала встречным ветром и стоявшим в воздухе колким холодом. Ехали по укатанной дороге на юго-восток, пока замёрзшие пустоши не перешли в заснеженную лесотундру. Охотники остановились у подлеска и, оставив снегоходы рядом с деревьями, отправились в тайгу.

– Я сейчас догоню! Только возьму вещи, – крикнул Степан им в след.

– Брось ты свою городскую паранойю! Не бойся, никто твоё барахло тут не украдёт! Снегоходы не угонят, а сами они не уедут. На охоту нужно отправляться налегке. Брать только самое необходимое. Любая мелочь может стать обузой, – хрипло сказал Владимир.

Степан согласился и направился вслед за охотниками в чащу. Зимний лес очаровывал волшебным таинством снежного покрова. Высокие ели и величественные сосны, укутанные пышной белизной, как сахарной ватой, искрились на свету, будто усыпанные крупичками алмазного бисера. Свежевыпавший снег бегло серебрился под ногами, словно песчинками бриллиантов. Степан порой даже не решался по нему ступать, опасаясь потревожить застывшую здесь нетронутую красоту. Воздух, пропитанный терпкими запахами хвои, дышал свежестью и умиротворением, но вместе с тем возобновлял ощущения навязчивой слежки.

Всюду повисла мертвенная тишина, прерываемая скрипом шагов и шелестом задеваемых при ходьбе веток. Можно слышать, как с сосен падал снег. Чутьё подсказывало Степану, что в лесу он находился с охотниками не один. Сердце заходило в преддверии опасности.

Пугали любые шорохи. Нутром особенно остро чувствовался чей-то пристальный, внимательный взгляд, полный презрения и хищной, безжалостной злости, неприятно колющий спину, но куда бы Степан ни посмотрел, всюду ершились безмолвные ели. Чем дальше Степан заходил в лес, тем всё больше думал, что не он искал жертву, а добыча выслеживала его. Душу одолевали гнилостные ощущения, гласившие о том, что из-под раскидистых куц за охотниками кто-то внимательно наблюдал. Тревога гноилась внутри, влекла за собой густой тягучей смолой, липкой и вязкой, как повисший среди деревьев полумрак. В памяти всплывали подробности вчерашних историй, и только осознание того, что вокруг опытные охотники, не давало поддаться страху.

Аккуратно ступая, Степан вместе с попутчиками держал ухо востро и курок на взводе. Он не сводил глаз с прицела и едва сдерживался, чтобы не выстрелить в первую попавшуюся тень. Казалось, в любой миг из ветвей могли выпрыгнуть дикие хищники, вцепиться в глотки охотникам и растерзать, как беззащитных куропаток. Тело била дрожь не то от холода, но то от боязни таинственной слежки. Степан глядел во все глаза, вертел головой по сторонам, но его неизвестный наблюдатель по-прежнему оставался незаметным. Это уже походило на паранойю. Оставалось надеяться, что по возвращению в город навязчивое чувство преследования, наконец, исчезнет, как туман.

Под ногами звонко хрустели сучья, с пышных хвойных ветвей срывались снежные хлопья, и словно вторя фамилии Степана, рассыпались в серебристо-белую пыль. Пробираясь сквозь густые поросли, охотники долго бродили, окрестности Хымвынара находились далеко и Степану казалось, что они зашли уже глубоко в чащу. Удивляло то, что они при этом всё ещё никого не встретили и не поймали. Степан сетовал на то, что охотники не взяли с собой лаек. Ищейки бы сейчас пригодились.

Редколесье осталось позади, пышные сосны и ели росли плотно прилегая друг к другу, и, тесно сплетаясь корнями, перегораживали путь непролазной стеной. Охотники дошли до седых склонов Таймырских гор, слегка растянулись гуськом, и пристально осматриваясь, продолжили следовать вдоль подножий. По пути всё чаще попадались поваленные сосны и скатившиеся валуны, скованные толстой коркой льда. Владимир предостерёг о стрельбе – участок был лавиноопасный.

Сверху присыпала мелкая снежная крупа, редкая, мягкая, оседала на одежду, деревья и отяжеляла на ветвях и без того грузные белые шапки. Густо сплетённая паутина из хвойных сучьев и колких иголок мешала выслеживать добычу, создавала труднопроходимые заросли. Мороз в тайге не чувствовался так остро, как на продуваемой всеми ветрами тундровой равнине – деревья грели, но Степана всё равно бил озноб. Холод выдавливал из лёгких воздух, леденил пальцы даже в плотных перчатках, и время от времени приходилось разминать руки. Пробежка в преследовании какого-нибудь зверя сейчас явно бы не помешала. Несмотря на все старания, охота проходила безуспешно и никто дичь не подстрелил. Степану казалось, что все звери словно чуяли присутствие чужаков и в пущей осторожности не высывались из-за деревьев, а только пугали пристальной слежкой, вели себя так, будто их кто-то предупредил. Он стал задумываться, а не пора ли собираться обратно. Охота выдалась на редкость скучной и унылой, как будто всё в округе вымерло. Не хотелось возвращаться с пустыми руками, но Степан полагал, что дальнейшие поиски бесполезны.

Время близилось к полудню, и в поведении Лешего всё чаще замечалась нервозность. Он бросал на Влада быстрые взгляды и всё кивал в сторону, будто требовал повернуть назад. Тот сбавил шаг, стиснул зубы и показал жестами приготовиться к стрельбе. Леший обошёл Степана сзади под видом высматривания следов, снял с предохранителя винтовку и прицелился в спину.

– Знаете, я тут подумал, – сквозь одышку проговорил Степан, – может, мы не можем никого выследить, потому что не взяли с собой собак? Раз уж пошли на охоту то почему мы их оставили?

Охотников встревожили высказанные подозрения. Вдруг идущий в стороне Анатролий услышал треск и остановился. Он вздёрнул указательный палец и пошёл на хруст веток. Его движения заставили всех встряхнуться, а Лешего отвлечься и повременить с выстрелом.

– Ну?! Что там?! – воскликнул Степан, полагая, что охотник снова всех разыгрывал.

– Т-с-с-с! Тихо ты!

В этот раз, вне всяких сомнений, Анатролий был серьёзен. Он стоял в изножьях пихты и внимательно осматривал следы. Глубокие, неровные, они были свежими и оставлены на снегу совсем недавно. Степан осторожно подошёл и рассмотрел находку внимательнее. Множественные отпечатки оленьих копыт тянулись длинной частой вереницей и исчезали меж сугробов. Охотники молча их осматривали, выражая всем видом настороженность. Степан пригляделся. Не нужно слыть профессионалом, чтобы понять, что следы хоть и были от раздвоенных копыт и шли парами, но считались не квартетом, а имели счёт кратный трём. Так, словно олень передвигался на шести ногах или рядом с ним шло другое, прямоходящее, копытное существо. Следы тоже разнились между собой, парные – олени, выглядели глубже и заметно крупнее двойных. Память тут же взбудоражили смутные образы вчерашних кошмаров. Степан внутренне содрогнулся и озабоченно огляделся по сторонам.

– Странно, обычно они следы заматают ветками или присыпают, но тут нет. Как будто намеренно хотят, чтобы их нашли. Интересно почему? – ошипшим голосом рассудил Владимир.

– Думаешь, снова устроили западню? – спросил Леший с подозрением.

– Непохоже.

– Кто?! Олени?! – удивился Степан.

– Заткнись! – рявкнул на него Влад, показал пальцами молчать и смотреть в оба.

– Да какая разница, тупые животные, – проговорил Анатролий.

– Не скажи, – усомнился Леший.

Почувствовав себя лишним, Степан сфотографировал следы на телефон и отошёл назад, не мешая охотникам.

Наблюдая, как снежная белизна еловых ветвей украдкой подмигивала спрятанными меж иголок маленькими шишками, Степан вдруг услышал в стороне от себя тихое шуршание. Подумал, что ветер, но деревья не колыхались, застыв в безмолвной тишине. Степан крепче взялся за ружьё и медленно направился в сторону звуков. Шагах в десяти, за хвойными зарослями, показалась смутная тень. Степан остановился и пригляделся. Среди густых пушистых кущ и гроздей больших еловых шишек мелькнули очертания оленьей головы и высокие рога, похожие на панты. Степан прицелился и выстрелил. Ветви тут же колыхнулись, а по ту сторону ели послышался приглушённый топот копыт. Степан бросился вдогонку, стремительно нырнув в сплетения заснеженных сучьев. Охотники обернулись и строго, даже сердито в его сторону посмотрели. Они вскинули ружья, хотели выстрелить, но он уже скрылся из вида.

– Ты что творишь?! – разозлился Леший.

– Ха! Кажись, попал! – закричал Степан убегая.

– Эй! Стой! Ты куда?! – воскликнул Владимир ему вслед.

Степан не слушал. В преследовании он бежал, спотыкаясь и едва не падая. Пробивался сквозь деревья, сугробы, старался не упустить добычу, скрывающуюся среди пышной хвои. Прытким, быстрым силуэтом она мелькала впереди меж веток и мешала прицелиться. Степан не отставал. Радовался, что, наконец, ему хоть в чём-то повезло. Он горел желанием настигнуть свою первую жертву и завершить провалившийся поход внезапной удачей.

Охотники погнались за Степаном, но не догнали. Они остановились у бурной горной реки, обнаружив новые олени следы. В этот раз они ходили по кругу вдоль всего берега и пере-
межались с человеческими. Запутывали, пестрили каплями крови.

– Проклятье лесное! И что теперь?! – выругался Леший, ударив ружьём о колено.

– Тут был кто-то до нас, – озадачился Анатролий.

– Вряд ли. Уходим. Мы здесь задержались. И так слишком далеко этого недотёпу завели, – подозрительно осматриваясь по сторонам, сказал Владимир.

– Но как же сайга Геннадия?! – возразил Анатролий.

– Забудь про неё! Тут мы не на своей земле, – обвёл взглядом окрестности, Владимир, – дальше владения зверя. Там обитает дьявол, – кивнул он в сторону противоположного берега.

– Дадим ему свинца! Тварь ранена! Мы сможем, наконец, её выследить и добить! – настойчиво выпалил Анатролий и взвёл курок.

– Ты это сам видел?! Уверен, как и с Геннадием тогда?! – Владимир смерил его сердитым взглядом.

Анатролий смолчал.

– Неужели ты действительно веришь, что этот простак мог кого-то подстрелить?! Нет. Тут весь лес за дьявола. Не удивлюсь, если он нас сюда сам заманил, как в тот раз. Сейчас мы не готовы к повторной встрече.

– Это всего лишь животное!

– Только чертовски умное, – вставил Леший.

– Я бы сказал дьявольски, – поправил Владимир.

– Но здесь на снегу везде кровь! Мы знаем куда идти!

– Скорее всего тварь пошла вверх по течению, – озвучил наблюдения Леший, глядя как вдоль реки плыла ледяная шуга на поверхности.

– Отомстим за Гену! Ты обещал! – настаивал Анатролий.

– И слово сдержу! Отомстим за всех! В своё время. Нас сейчас мало чтобы ему противостоять, и мы без поддержки! Ни остальных охотников, ни собак. А ты не будь так наивен, тварь выдумывает все новые и новые уловки. Не поддавайся им. Погляди, следов больше, чем нужно, да и те, что есть, не настоящие, а фальшивые отпечатки. Брызги крови только тут. Дальше капель нет, – указывал вдоль берега Владимир.

Его хриплый голос звучал с волнением.

– Она пролита здесь единожды и не от выстрела. Словно намеренно.

– Вот только зачем? – ужаснулся Леший.

Из глубокой чащи донёсся протяжный вой.

– Вот и ответ. Её учуяли волки! Уходим!

Анатролий грозно выругался и вместе с охотниками отступил, провожая оставленную за спиной чашу недовольным взглядом.

* * *

Преследование завело Степана в небольшую расщелину между заснеженных скал. Он не опускал винтовку и продолжал бежать на звуки доносившихся спереди шагов. Ущелье сужалось. Приходилось протискиваться боком и тереться курткой о камни.

– Отлично! Тупик! Попа-а-а-л-с-я, – протянул Степан с предвкушением.

Дальше на пути непроходимой стеной возвышался покрытый снегом, высокий утёс. Степан вышел на округлую поляну и очутился на льду озера, образованного срывающимся сверху замёрзшим водопадом. Оставленные на снегу капли крови вместе со следами вели в сторону одиноко растущей сосны на берегу. Ветви колыхались, будто дрожали от страха, скрывая за собой загнанную жертву.

– Ну-у-у-ка, иди сюда. Не бойся, не бойся. Ещё один выстрел, – не спуская глаз с мушки, медленно подходил Степан.

Его одолел охотничий азарт. Заглядывая за снежные ветви, Степан хотел, как можно лучше рассмотреть подстреленную добычу. Любопытным наблюдением он нашёл то, что следы копыт сходили с кромки озерного льда и уходили влево, тянулись вдоль скалистого берега. Это выглядело странным, потому как бежать по голым камням представлялось явно труднее. Как будто олень побоялся становиться на лёд, хотя поверхность виделась прочной. Степан не понял причин этой нелепой осторожности, его внимание привлекла ещё одна занятная деталь. По виду следы показались двойными, а не парными, словно животное передвигалось вертикально, только на задних ногах.

Степан мало знал об оленях и не мог сам себе это объяснить, но как люди они точно не ходили. Приближаясь, он вдруг увидел, как за деревом скрывался загадочный человеческий силуэт. Среди веток пряталось существо, похожее на высокую, стройную девушку. Вначале Степану показалось, что она была одета в тонкую шубку из густого оленьего меха, как у ненцев, и шапку с большими раскидистыми рогами. Потом, заметив мелькающие меж хвойных иголок округлые очертания груди, Степан подумал, что незнакомка была и вовсе без одежды и нашёл это странным в студёный мороз. После, присмотревшись, он решил, что её откровенную наготу прикрывал тесно облегающий комбинезон, утеплённый сверху слоем каурого меха. Короткая шёрстка плотно прилегала к телу так, что выразительно подчёркивала фигуру во всех самых любопытных местах и даже обтягивала выемку пупка. Она словно была её собственная, живая. Волоски колыхались волнами при малейшем дуновении ветра. Степан заметил, что незнакомка отдалённо походила на девушку с фотографий Пайрии. Её покрывали того же цвета одежды, только с белыми пятнышками, без узоров. Она обладала схожими чертами строго вычерченного профиля и такой же утончённой фигурой.

– Это девушка?! – опуская оружие, изумился Степан. – Влад! Толик! Леший! – унимая одышку, крикнул он назад. – Вы это видите?! Скорей сюда!

В ответ от скал откликнулось эхо, и под ноги плюхнулся увесистый снежный ком. Загадочная незнакомка забилась глубже в ветви, будто опасаясь схода лавины или прихода новых людей. Это заставило Степана смолкнуть. Он стоял в удивлении и больше не мог выдавить из себя ни слова. Оленевидная девушка тоже безмолвствовала. Милая, хрупкая, как обледенелая еловая веточка, присыпанная снегом, она дрожала на ветру, и пугливо выглядывала из-под белого покрова сосны. Большие раскосые глаза в обрамлении чёрных ресниц смотрели пристально, изучающе, длинные, щетинившиеся на ветках иголки, повторяли их пышную густоту. Тени выделяли строгие контуры бровей, подчеркивали форму. Словно накрашенные косметикой они очаровывали до оцепенения и насыщали взгляд глубокой живой выразительностью. Светло-карий, любопытный взор вызывал озноб и притяжение. Он казался напуганным, ранимым, но было в нём ещё и что-то колкое, безжалостно жестокое, надёжно спрятанное в потаённой глубине. Степан обернулся. Может, поблизости и впрямь снимали фильм или где-то рядом находилась выездная резиденция деда мороза с пасущимися волшебными оленями? Степан мог невзначай оказаться на засекреченной съёмочной площадке, а представшая перед ним таинственная незнакомка являться загримированной актрисой. Но камер и софитов нигде видно не было, а облик девушки настолько привлекал естественностью, что рассеивал любые сомнения во всякой искусственности.

– Э-э-э-этого не может быть! Что ещё за чудо-юдо? – присматриваясь, едва находил слова Степан.

К собственному удивлению, он понял, что шерсть незнакомки была не надетая, не поддельная, а её исконная, родная. Перед ним предстала девушка-важенка, сохраняющая в себе человеческую женственность и миловидную привлекательность в животной, оленьей форме.

Сочетала природную уникальность и безупречную утончённость, являлась особой исключительной, благородной породы и редкой красоты.

– Всё это н-н-на тебе?! Настоящее?! Не-не-невероятно! Это неправдоподобно! Ты кто такая?! – не переставая пялиться на незнакомку, удивлялся Степан.

Он всякое повидал, но ничего подобного никогда не встречал. Девушка-важенка продолжала молчать, озираясь по сторонам и прижиматься к дереву. Она пугливо выглядывала из-под веток, раздвигая их руками, и роняла на землю снег. Ногти играли на свету бликами, как после только что сделанного маникюра. Слезы застыли на ресницах, как льдинки среди иголок хвой, но незнакомка не плакала. Влажные глаза сдерживали в себе боль крепким терпением.

Раскидистая сосна ершилась густыми щётками длинных зелёных иголок, позволяла свободно за собой прятаться, но обходя со стороны, Степан всё же рассмотрел таинственную незнакомку. Она была обнажена, если тонкая коричневая шерстка, покрывающая тело, могла выдаваться за одежду. Большие груди со стоячими сосками цвета спелых черничных ягодок держались высоко и с виду казались упругими, как мячики. Округлые, манящие, ни на что не похожей, уникальной каплевидной формы, даже спрятанные хвойными ветвями, они бросались в глаза выпуклой выразительностью и высоко вздымались при глубоком, частом дыхании. Грациозные линии талии очаровывали элегантностью и бережной плавной дугой уходили в широкие, необычайно привлекательные бёдра. Тугой, плоский живот виднелся меж пышной сосновой зелени и красовался в центре светлой ямочкой пупка. Рядом с узловатой вязью корней просматривались длинные стройные ножки. Голени в белой шерстке, будто одетые в чулки, восхищали изяществом и завершались копытцами, словно туфельками.

Девушка-важенка выглядела роскошной, аккуратной, ухоженной. С первого взгляда не скажешь, что жительница диких условий. Только приглядевшись можно увидеть её лёгкую растрёпанность и натренированность. Незнакомка была атлетично сложена. По всему телу проступал рельеф мышц, подчёркивающий бугристыми силуэтами грани точёной фигуры, а по бокам почковались спутанные кудели шерсти.

Загадочная особа являлась неповторимым сочетанием силы и ранимости. Степан был потрясён до глубины души. Хотел достать телефон, чтобы её заснять, но видя, что девушка-важенка пугается, вынул руки из карманов и поднял вверх распростёртыми ладонями. Он был ошеломлен и очарован, а она взволнованна и напряжена. Незнакомка судорожно металась, впи-валась в Степана взглядом, ощущала себя загнанным в угол животным, затравленной жертвой, оставленной на заклятие.

– Нет-нет-нет! Не бойся! Я тебя не обижу! Видишь?! Ничего нет! – призывал её к спокойствию Степан, убирая за спину винтовку.

Девушка-важенка продолжала выражать всем видом настороженность, беспокойство и недоверие, изредка высовывая мордочку из ветвей. Торчащие в стороны ушки в форме капелек с кисточками на кончиках, как у рыси, выдавали встревоженность и повышенное внимание. Они энергично двигались во все стороны, элегантно гармонировали с высокими ветвистыми рогами и коротким пучковатым хвостиком, словно маленьким комочком шерсти на крестце. Незнакомка обладала правильными, утончёнными чертами мордочки и выставленной вперёд, прямой челюстью. Губы были сомкнуты, а маленький, чёрненький носик улавливал самые тонкие запахи.

– Что ты за зверь такой? – делая ей навстречу осторожные шаги, спрашивал Степан. – Из какого-такого таёжного народа?

Он был далёк от криптозоологии и мало наукой интересовался, возможно, поэтому и не стал криминалистом, как когда-то хотел, но сейчас старался вспомнить всё, что знал о необыкновенных обитателях тайги, упомянутых даже в самых старых источниках. Пытался мысленно приурочить девушку-важенку к одному из древних видов, но в голову, как назло, ничего не приходило. Степан пожалел, что знал мало легенд и плохо воспринимал мифологию.

– Это ты всё время за мной следила? – спросил Степан, чувствуя на себе знакомые ощущения от её взгляда

Он рассматривал силуэт девушки-важенки так, словно не мог насытиться её обликом, стоял в немом восторге и не знал, бояться ему или восхищаться увиденным. Степан не имел представления, как завершится эта встреча. Загадочная незнакомка могла чуть что, сразу убежать или вовсе на него наброситься, и он уже никак не сможет её остановить. Это пугало. Шокированный, Степан думал, что будет не способен вступить с ней в борьбу или же повторно вести преследование. Сейчас он хотел, как можно ярче запечатлеть девушку-важенку в памяти, во всех даже самых мелких деталях. Как можно дольше на неё смотреть, чтобы позже как можно точно воссоздать увиденное на бумаге. Ему даже показалось, что незнакомка могла быть галлюцинацией, вызванной обилием чувствующихся в воздухе хвойных ароматов или призрачным видением, сотканным из снежной пелены. Быть ненастоящей, придуманной. Иллюзорной. Степан смотрел на девушку-важенку с нескрываемым наслаждением, стараясь не разрушить её бесподобный образ. Думал, что стоило моргнуть, как она могла тут же раствориться и пропасть. Улетучиться словно дым, навсегда исчезнет, оставшись медленно угасать осколками памяти где-то на задворках сознания.

Девушка-важенка представала сказочно прекрасным существом, настоящим самородком. Напуганная дикарка, вольнолюбивая и своенравная, будоражила самые смелые фантазии. Она осторожно отодвинула пальчиками сосновую ветку, открыла мордочку и выглянула из-под руки. Заметив, как незнакомка оставила на заснеженных иголках след от ладони, Степан разуверился в посетивших предположениях о природе её мистичности. Но всё же внешность девушки обескураживала, полностью переворачивая все бывшие представления о женской красоте. Степан стоял, раскрыв рот, и боялся шелохнуться, опасаясь неосторожным дыханием или случайным движением потревожить посетивший его наяву дивный сон. Он не хотел пробудиться и лишаться лицезрения возникшей перед глазами обворожительной особы. Степан старался важенку не спугнуть. Не разрушить снизошедшую с небес неземную красоту. Не разбить всё её хрустальное величие и не нарушить шаткое равновесие присутствующей гармонии. Незнакомка тоже не двигалась. С виду она боялась Степана не меньше, чем он её, и никто не мог друг другу уступить в этом нелепом страхе.

Они смотрели глаза в глаза, изучающе, с предельным любопытством. Наблюдали за повадками друг друга. В глухой тишине Степан мог слышать частое дыхание незнакомки, видеть, как падающие с неба редкие снежинки оседали на края её шёрстки, задерживались в волосках и повторяли рассыпавшиеся вдоль тела белые пятнышки, словно выцветшие на руках и ногах веснушки. Маленькие крапинки блестели на меху жемчужным бисером и ярко сверкали кристальными бликами. Степан решил их сосчитать, но сумел только приблизительно понять количество. Силуэт таинственной незнакомки всё ещё скрывался за сосной и не позволял видеть всю её целиком, но пятнышек на теле было довольно много. Несколько дюжин точно.

Девушка-важенка казалась игрушечной куколкой, изготовленной умелым мастером с предельной искусностью. Неповторимая каждым контуром фигуры, каждым изгибом, чистая, как вода горного ручья, нетронутая, будто сама природа она словно была сплетена из грёз, соткана из самых волшебных сновидений. Сказочная девушка-загадка, встреча с ней казалась дивным сном, призрачным видением. Нежная, изящная, наверное, дальняя родственница лани, помесь человека с косулей или кабаргой. Она выглядела ранимо и удивительно невинно, но в то же время была крепкой и жилистой. Её живот с виду имел хорошо развитую мускульную плотность. Казался невероятно прочным и сильным, изгибы рук и ног виделись плавными, но в то же время мощными и надёжными, плотно укрепленными мышцами.

Степан не мог поверить, что намеревался на незнакомку поднять руку. Убить подобное существо было преступлением против природы, против нравственности, морали. Против эво-

люции! За недавние поступки Степан себя презирал. Сейчас ему даже мысль претила причинить этому чудесному созданию какой-либо вред. А вот охотники – наверняка знали о подобных особях и ничего не сказали. Какую роль они среди них играли? Вновь вспомнились образы увиденного в чуме кошмара из чучел голов и мехового одеяла. Степана посетили страшные мысли, пленили тревожные опасения. Все догадки складывались в единую картину. Содрогаюсь от ужаса, он едва был способен уложить всё в голове.

– О н-н-нет. Она же живая! Как человек! Как же они могли?! – проговорил Степан, опустив взгляд.

Он чувствовал себя виноватым, подумав о том, что на Гланаване наверняка среди прочего угощения ел мясо подобных ей особей. Степан наклонился, кашлянул в потугах рвоты и вытер пальцами язык. Из-под куртки показался висевший на шее амулет. Девушка-важенка, вздрогнула и широко распахнула глаза. Её взгляд изменился. Стал жадным, властным, пугающе другим. Видя гримасы и ужимки Степана, она улыбнулась и высунулась из-за ветвей. Чёрным кончиком носа незнакомка случайно коснулась хвойных иголок, поморщилась от укола и громко чихнула, стряхнув на себя осевший снег.

– Будь здорова! – растерянно пожелал Степан.

Девушка-важенка вышла из-за кущ то ли из праздного любопытства, то ли осмелев или поняв, что снежная белена её уже не скрывает.

Степану представился шанс целиком насладиться её наготой. Незнакомка оказалась обольстительно привлекательна для шерстистой, рогатой, прямоходящей важенки. Окраской она походила на Црына, была схожей с ним каурой масти, только значительно темнее. На всём теле преобладал каштановый цвет шерсти, повторяющий тон прямых, ниспадающих на плечи волос. Белый мех занимал небольшие участки, равномерно чередовался с более темными областями. Редко кроющийся и пуховый волос на груди и между ног, шея, живот, а также лоб, хвостик и ушки окрашивались в белоснежный цвет. Усыпанные по бокам светлые пятнышки удивляли разнообразием по очертаниям и расположению. Мерцали, словно россыпью алмазных песчинок вдоль плеч, рук и бёдер. Спереди бросалась в глаза пышная, ярко-белая манишка, заполняющая ложбинку груди густым меховым воротничком. Книзу окраска туловища светлела до бело-кремовой, полностью охватывая брюшко.

– Так вот ты какой, олень северный, – словно заворожённый проговорил Степан, разглядывая незнакомку.

Её небольшая короткая голова, клиновидно сужалась к носу, но не теряла человеческие черты, оставалась широкой и высокой в области лба. Ушки длинные, овальной формы, заострённые. Рога высокие, раскидистые, симметричные, казались даже больше, чем у Црына. Вертикально поставленные и лирообразно изогнутые, они ветвились множественными отростками вокруг прочного костяного ствола, будто корона из ветвей, и блестели в туманном свете глубокой таёжной чащи. Со стороны они казались отполированными. Отливали в тон лоснящейся шерсти и скрывались у основания падающей на лоб короткой чёлкой. Жидкие, ухоженные волосы плавно струились вдоль плеч, повторяя цвет меха. Длинные, гладко уложенные пряди отдавали лакированным блеском и затемнялись на макушке.

Взмахами рук незнакомка отвлекла взгляд Степана от собственных рогов, приблизилась и потянулась к амулету на его груди.

– Эй! Не трогай! Моё! – он посторонился и спрятал под одежду оберег.

Девушка-важенка в ответ громко фыркнула, словно опять чихнула. Она упёрла руки в бока, широко расставила ноги и, переведя вес на правую сторону, игриво вильнула бедром. Таёжная обитательница выглядела неподражаемо, ослепляла видом. Целиком была объята красотой. Сквозь насыщенную хвою настойчиво пробивался её приятный сладкий запах с мускусными примесями. Восхитительный аромат кружил голову, разрушая всякие барьеры стеснительности. Обводя незнакомку взглядом, Степан смутился, увидев её пышные бёдра, покрытые

истончающейся к низу шёрсткой, словно мягким персиковым пушком. Наверняка приятные на ощупь они выглядели притягательными и манящими. Спереди интимное место скрывали густорастущие белые пучки шерсти. Подобно пушистой манишке на груди, они колыхались тонкими волосками от малейшего дуновения ветра и любого даже самого осторожного движения. В глубине между ног просматривались две мандариновые дольки промежности, робко прячущиеся в пуху, как в белой шелухе. Они проглядывались таящими очертаниями розовой каймы, вызывая лёгкое смущение и неиссякаемый восторг. Незнакомка показалось Степану полноватой в бёдрах. Видимо, хорошо питалась, но избыточные формы не уменьшали ликования от её необыкновенной красоты, а напротив выразительно строили фигуру, гармонируя с узкой талией и высокой объёмной грудью. Добавляли пикантных деталей в бесчисленные особенности внешности.

– Ты, ты ранена?! – заботливо спросил Степан.

Он заметил, как у незнакомки со сжатой ладони срывались редкие капли крови.

– Дай посмотрю, – добавил Степан, надеясь перевязать рану шарфом.

Поняв, что девушка-важенка не стремится убежать, Степан хотел осторожно коснуться её руки, но она не далась. Дёрнулась. Поджала ушки. Пугливо отскочила, цокнув по камням копытами, и издала долгий, уходящий в нос волнующий звук похожий на низкую ноту духового органа.

– Может начаться заражение! Надо промыть! – доставая флягу с водой, настаивал Степан.

Он продолжал пристально смотреть на важенку, хотел к ней прикоснуться. Видя на себе его голодный, любопытный взгляд, она скованно сжалась и сплела перед собой руки. Грудь приятно смялась, наплыли одна на другую, опёрлись на ладони. Приподнялись как свежее тесто и стали крупнее, а в верхней части, в области подмышек, появились привлекающие взгляд маленькие выпуклости.

– Ты меня не понимаешь? – огорчился Степан и смущённо потупился под ноги, пряча горящий возбуждением взгляд. – Конечно же. С чего бы? Тут и с местными едва разговаривать получается, что уж говорить о какой-то там лесной жительнице.

Загадочная незнакомка посмотрела на Степана внимательно, с предубеждением. Взгляд её лёг не прямо, а прошёл вскользь. Она вздёрнула ушки торчком, широко распахнула глаза и вильнула хвостиком, словно привычным движением отмахнулась от мух. Позади послышалось глухое, свирепое рычание. Степан вздрогнул, обернулся и взялся за винтовку. С входа в ущелье подкрадывались около дюжины волков. Они приближались и хищно скалились, роняя на снег слюни рядом с замёрзшими каплями крови. Звери выглядели крайне необычно. Большеголовые, коротконогие, непропорциональные, с ярко жёлтой пятнисто-зелёной шерстью, Степан вообще не понимал откуда они взялись и как могли выжить в дикой чаще. Волки казались размером с крупную овчарку, некоторые из них были оранжево-жёлтого окраса, словно облитые едкой кислотной краской. Они сразу привлекли к себе внимание пёстрым видом и янтарными горящими глазами, не скрывающими злость. Степан даже сомневался после всего увиденного, волки ли это были или может ещё какие неведомые и явно не дружелюбные твари. Но судя по обнаженным клыкам и голодному взгляду, кем бы существа ни являлись, они явно приходились хищниками.

– Лучше спрячься, – судорожно сглотнул Степан, указывая незнакомке обратно в сторону сосны.

Девушка-важенка смело вышла вперёд, позволяя видеть, свою аппетитную сочную попку, похожую на свежий только что поспевший персик со стебельком в виде короткого хвостика чуть ниже крестца. Вальяжной, грациозной походкой лесная обитательница отчеканивала шаги вдоль кромки скалистого берега и с опаской поглядывала на озеро. Она обходила лёд, звеня по камням копытцами, будто шпильками и дразнила, подыгрывая бёдрами, словно отхаживала дефиле. Передвигалась бипедально, на двух ногах, совсем как люди, но при этом явно челове-

ком не была. Проходя мимо, незнакомка вырисовала указательным пальцем на груди Степана кривую, ударила по оружию и заставила опустить ствол.

– Эй, ты чего?! – воскликнул Степан.

Девушка-важенка оставила его возмущения без ответа. Она бесстрашно приблизилась к волкам, раздалась высокими, протяжными бляениями и странными, похожими на приглушённое гудение низкими гортанными звуками. При этом вертела головой и активно жестикулировала.

– У-у-у тебя есть свой язык?! – не переставал удивляться Степан.

Он внимательно наблюдал за её поведением и приближающимися хищниками. Смотрел настороженно, но винтовку не поднимал. Говор девушки-важенки походил на нен-вада¹, но в то же время отличался от любого людского языка, сочетал в себе сплетения фраз, бляения и разнотонные животные звуки. Он слышался полужвериним, получеловеческим, как и его нескромная обладательница. Слова незнакомки казались нежными и мелодичными, не походили на грозные упрёки, скорее, на уговоры, но голос звучал звонко, повелительно и властно. В разговоре она показала раскрытую ладонь и, смахнув кровь, брызнула в сторону Степана. Собаководки дерзкую важенку не слушали, а скалились всё грознее. Незнакомка, грозно зарычала, проблеяла что-то на своём языке, громко топнула копытом о землю и провела перед собой ровную линию. Собаководки её перешли. Они приближались, обступали, обходили со всех сторон, словно окружали добычу. Поняв, что договориться, не удастся, незнакомка опустила ушки, прижала к голове и убрала назад. Она встала на четвереньки и, сердито глядя исподлобья, выставила вперёд рога. Подражая звериному рычанию, пятнистая важенка принялась наступать на хищников и стараться навести страх.

Один из собаководков, что взбирался справа по скале, прыгнул на девушку. Умелым отскоком она ушла от броска. Клыкастая пасть, клацнула зубами и сомкнулась рядом с бедром. Незнакомка подняла с земли камень и с размаха заехала зверю по морде. Тот жалобно заскулил и заковылял к своим. Остальная стая мигом поддержала нападение. Второй собаковод бросился на девушку с тыла. Хотел укунить за хорошо подставленную задницу, видимо, её пышные, аппетитные формы привлекали не одного Степана. Мощным ударом ноги важенка лягнула хищника под дых и далеко от себя отбросила. Степан думал выстрелить в следующего набегавшего зверя, но поняв, что не успеет, развернул ружьё и ударил прикладом. Незнакомка боднула очередного хищника и вспорола ему живот кончиком рогового отростка, а ещё одному нападавшему также вскрыла шею. Рога оказались острыми как бритва, словно намеренно заточенные, и выглядели опасным оружием. Девушка-важенка удивительно умело ими орудовала. Степан подумал, что она без особого труда могла и сама справиться с целой стаей. Девушка пробивала дорогу к выходу из ущелья, раскидывая хищников, крутясь в боевом вихре, вздымала движениями снег, будто создавала дымовую завесу и криками манила за собой. Теперь она уже не воспринималась слабой и беззащитной, была явно способна постоять за себя и дать сдачи. Степан хотел ей помочь и отстрелять зверей, но боялся новоиспечённую спутницу задеть.

В битве незнакомка быстро развеяла все представления о собственной беспомощности, ранимости и хрупкости. Она высоко скакала на изящных оленьих ножках

Отталкивалась от каменистых уступов, бегала вокруг, звеня цокотом копыт, но не становилась на лёд. Будто осмысленно избегала соприкосновения с замерзшей гладью. Собаководки напротив медлительно и неумело взбирались по скалистым уступам, давая девушке-важенке преимущество. Степан оказался бессилен. Он быстро понял, что винтовка с волками в ближайшем бою бесполезна. К тому же вспоминая предостережения Анатролия, считал опасным стре-

¹ Нен-вада – разговорная река. Диалектическое наименование языка ненцев.

лять среди крутых заснеженных склонов. Достать ледоруб означало бросить оружие. Степан на это пойти не мог.

– Прочь! Убирайтесь твари! – он бежал вслед за незнакомкой, отмахиваясь от хищников ружьём, словно палкой.

В схватке девушка-важенка орала, как одичалая, подражая волкам, и старалась их спугнуть, внушить ужас громким, грозным рыком. Она вела бой очень тактично. Находилась в стороне от озера, возле скал, старалась не становиться на лёд. Степан отчаянно размахивал оружием и, ударив одного из хищников, случайно выстрелил в сторону. Звери испугались и бросились врассыпную, а громкий звук разнёсся по ущелью, звонким повторяющимся эхом. Пятнистая важенька недовольно крикнула на Степана, словно осудила.

– Ой, я случайно! Прости! Не хотел! – он старался её успокоить и поставил винтовку на предохранитель.

Сверху послышался глухой грохот. Земля под ногами затряслась, задрожала, а с утёсов посыпался щебень и обледенелые камни. Степан обернулся и вздрогнул, увидев, как со скал сходила небольшая лавина и вместе с оползнем заваливала ущелье.

– Б-е-е-е-ж-и-и-и-и-м! – он заорал под громохание падающего снега и бросился наутёк.

Ударом ноги с разворота важенька лягнула копытом очередного нападавшего зверя и открыла путь к бегству. Степан устремился за ней. Хищники изрядно задержались, многие оказались засыпанными, но уцелевшие бросились в погоню.

Часть вторая Лесная мгла

О выживании среди дикой тайги, о борьбе с природой и об особенностях обольстительной незнакомки. О тяготах путешествия в суровых условиях лютého мороза. О невероятных приключениях и внезапно открывшихся родственных связях.

Глава 4. Тесное знакомство

Таёжный лес встречал раскидистыми соснами и пышными елями, перегораживал сугробами и поваленными деревьями. Колючие ветви нещадно хлестали, словно плетями, брызгая в лицо хлопьями снега. Позади гнались собаководки, пёстро мелькая ярким цветовым окрасом шерсти среди белых заснеженных ветвей. Они не выглядели опасными, а скорее игриво разноцветными, как облитые радугой, но на деле оказались настоящими хищниками способными дать фору в свирепости любому из известных Степану видов. Звери преследовали, едва не кусали за пятки и только благодаря неуклюжести оставляли шанс спастись. Рядом слышалось их свирепое рычание и частое хриплое дыхание. За спиной раздавался протяжный вой и глухой топот. Хищники настигали, бежали всё быстрее. Степан кряхтел и задыхался, силы его покидали, но желание сохранить жизнь заставляло продолжать борьбу. Девушка-важенка на бегу поднимала и швыряла в зверей подвернувшиеся под руку увесистые камни и куски льда. Она попадала метко, сбивала с ног или вовсе отбивала желание преследования.

– Постой! Подожди! – запыхавшись, кричал спутнице Степан.

Он за ней не поспевал, и время от времени приходилось важенку всё громче окрикивать, чтобы остановить, заставить вернуться и помочь. Оборачиваясь, незнакомка призывно кричала, проговаривала на родном языке короткие реплики. Степан не понимал сказанное, ровно как и то, каким образом её, такую прыткую, ранее удалось загнать в ущелье.

Всякий раз Степан чудом избегал быть раненным. Одного из волков грозная спутница сшибла прямо у него под носом, попав камнем в висок. Хищник упал под ноги с жалобным визгом и остался лежать на снегу, истекая кровью. Прицелиться на бегу Степан не мог, а остановиться означало погибнуть. Да и стоило поднять винтовку, как девушка-важенка метким попаданием шишкой в ствол выдавала запрет на стрельбу. Степан не понимал, как она всё это видела и как подобные финты вытворяла, словно имела глаза на затылке.

– Это какие-то неправильные волки! – сглатывая страх, прокричал Степан. – Они не должны на нас нападать! Они что всю жизнь ничего не ели?! – добавил он сквозь отдышку.

Незнакомка огрызнулась в ответ резкой неразборчивой фразой и продолжила убегать. Быстрая и юркая, она в прыжках хваталась за ветки, раскачивалась и, делая в воздухе сальто, всегда удачно приземлялась. На ходу важенка исполняла головокружительные трюки, как гимнастка на трапедии, демонстрировала чудеса натренированного мастерства и неповторимой пластики. Опираясь руками о лежащие стволы и разводя ноги широко в стороны шпагатом, она с лёгкостью перепрыгивала поваленные деревья и пни. Её груди тряслись и хлопали друг о друга, ягодицы заметно напрягались, становились крепкими, как орех, а бёдра наливались мышцами, придавая ногам рельефные формы. Степан внутренне вздрагивал, когда наблюдал за подобными акробатическими приёмами. Казалось, ещё немного, и в растяжке у незнакомки задница треснет, но всякий раз ожидания не оправдывались. Степан волновался за спутницу, но не мог запретить себе любоваться подобным остро впечатляющим зрелищем.

Ловкая и вёрткая девушка-важенка в погоне казалась неуловимой. Отрадно наблюдать, как её волосы ложились по ветру плавной волной, а шёрстка колыбалась лёгкими дуновениями.

Вся воплотившаяся в ней изысканная красота и женственность схлестнулись с натуральным природным великолепием. Шустрая, лихая незнакомка была необыкновенно хороша и сногсшибательно красива. Она везде чувствовала себя, как дома. Являлась хозяйкой таёжного леса. Истинная сибирская принцесса им правила, владела. Она в нём рождена и уверенно ощущала себя неотъемлемой частью естественной среды обитания. Степану ничего не оставалось кроме как гнаться за спутницей и пускаться по ней слюни вместе с голодными волками. Девушка-важенка могла дать фору любым хищникам. Она знала назубок каждую иголочку в густых чащобах хвойной тайги и умело этим пользовалась. На удивление Степана она даже не цеплялась рогами за еловые ветви, нависающие над головой грузными кущами. Скользила меж деревьев с поистине оленьей лёгкостью и грацией, бежала, вздымая из-под копыт брызги пушистого снега. Пружинила на ногах, как на джамперах. Пятнистая важенка следовала, будто по выверенному пути, заранее проложенному маршруту отступления. Под ногами иногда проступала вытоптанная в снегу тропа и петляла меж елей извилистым серпантинном, чрезвычайно упрощая бег. Степан удивился обнаружить среди бурелома подобные дорожки. Выходит, не так уж здешние леса и необитаемы.

Незнакомка не оставляла шансов себя поймать. Она неслась во всю прыть, поджимала к голове ушки и пускала волосы по ветру. Особенно плавные формы её изящного тела улучшали обтекаемость во время скоростного бега. Стройные ножки костями голени как у копытной изящно выворачивались назад. Сочленения скакательного сустава ниже колен позволяли быстро передвигаться и развивать ошеломительную скорость не уступающую четвероногим. От любой погони незнакомка в одиночку могла уйти проще простого. Степан её изрядно тормозил, звал на помощь. Он не понимал, зачем важенка за ним возвращалась, напрасно рисковала жизнью, спасала того, кто ещё недавно пытался её убить. Видя, как она играючи справлялась с хищниками, Степан полагал, что незнакомке тут и вовсе ничего не грозило. Тогда становилось неясным, к чему вся эта наигранная демонстрация, и зачем она помогала чужаку. Уж не из благих ли побуждений? Но сейчас не до раздумий. Степан принимал бескорыстную помощь и задавался другими вопросами: поступил бы он со спутницей также или же испугался и бросил в беде?

Убегая от погони, девушка-важенка помогала Степану взбираться на труднопреодолимые преграды, носилась вокруг, отшвыривала волков, а затем вновь продолжала бежать вперёд. Она сверкала растущим между ног белоснежным пушком и усыпанными вдоль бёдер и плеч пятнышками, словно застывшими на шёрстке льдистыми крапинками. Маленькие и аккуратные напоминали форму сердечек, другие наоборот выглядели широкими и большими, словно налипшие на меху кляксы. С такими огнями ей точно не спрятаться и нигде ни от кого не укрыться. Степан порой удивлялся, как спутница вообще сумела выжить в тайге с подобной иллюминацией. Хотя он и сам быстро выдыхался и увязал в снегу. Тело одолевала усталость, тяжелели ноги. Обувь вся промокла, а под одежду пробирался холод. Степан выбивался из сил, слабел, едва не падал в сугробы. Как бы приткая важенка ему ни помогала, долго бежать он не мог. В конце концов, если они что-нибудь не придумают, то таинственной спутницей придётся его нести на плечах. Судя по её атлетическому телосложению, она это сможет. Степан не сомневался, но проверять не хотел, а оставаться на съедение волками и подавно какими бы яркими и цветными они ни были. Он не знал, куда бежит девушка-важенка и чем всё закончится, но в одном уверен точно – долго так продолжаться не могло.

Следуя за незнакомкой, Степан пытался залезть на очередную поваленную сосну, но поскользнулся и чуть не упал. Важенка успела схватить его за руку и подтянуть к себе. Один из волков в прыжке укусил её за копыто и, рыча, хотел стащить вниз, но девушка-важенка ударом ноги в морду, выверенным мощным и точным, сбросила хищника в снег. Пробежав по тонкому стволу, как эквилибристка по канату, она соскочила с дерева и нырнула в сугроб. Степан спрыгнул следом, но не удержался на ногах и оступился. Падая, он невольно сшиб спут-

ницу и вместе с ней покатились вниз по склону. Степан сомкнул незнакомку в объятьях, а она невольно прижалась в ответ. Держась друг за друга и громко вопя, они скатились, вниз завернувшись в снег, словно в кокон, и остались лежать у подножья, как новобрачные под белым пушистым покрывалом. Важенка оказалась сверху. Степан ощутил, как источала пылкий жар её тёплая нежная кожа, согреваемая мягким, плотным мехом; как дрожали в напряжении её крепкие мышцы; как незнакомка случайно, но бережно обнимала бёдрами его ноги, и как её разгорячённое тело окутывал чуть сладковатый мускусный запах, похожий на аромат летних цветов после короткого дождя. Невероятные ощущения от прикосновений к нежной бархатистой шёрстке высшего сорта чувствовались даже сквозь перчатки и отзывались головокружительным удовольствием. Степан не мог удержаться и, поглаживая девушке спину, спустился руками ниже. Он ощутил всю силу её туго напряжённых бёдер и осторожно коснулся пальцами маленького стоящего торчком изящного хвостика в форме капельки. Ягодицы у незнакомки как двойняшки киви мягкие и шелковистые. Неповторимо услаждали манящими прикосновениями. Девушка-важенка оскалилась, на Степана грозно зарычала. Сняла его руку и отскочила, взрывом разбросав во все стороны белые хлопья снега.

– Ой, я это... извини, – поднимаясь, смущённо оправдался Степан.

Пятнистая важенка недовольно заблеяла, взмахнула волосами и, услышав вой волков, вновь бросилась вперёд.

Преодоление последней преграды позволило выиграть время. Снег мёл, брызгая в лицо холодными белыми хлопьями, но даже в подобной непогоде Степан не упускал возможности любоваться мелькающими впереди волнующими изгибами незнакомки. Как будто что-то его за ней влекло, манило подавляющей силой возбуждения. Такое неожиданное, мощное влечение Степан испытывал впервые, не мог его объяснить и не мог без него обойтись. Он видел спутницу ориентиром, ярким соблазнительным маяком в снежном замёрзшем море тенистого леса. Её короткий, пучковатый хвостик в высветленной шёрстке был для Степана путеводной звездой среди глухой стены белых сосен и разразившегося снегопада. Впереди вдруг возникла огромная сосна. Настолько широкая, что, казалось, её не обхватить и вдесятером.

– Вот тебе раз! – удивлённо воскликнул Степан.

Не то чтобы крупные деревья в тайге редкость, но столь необъятное он видел впервые.

Сосна тянулась ввысь до самого неба и верхушкой исчезала в густом облачном мареве. Важенка ловкими наскоками по стволу стала быстро взбираться наверх. Удивительно наблюдать, как она упиралась копытами в наросты коры и цеплялась за выступы пальцами будто обезьяна. Степан обошёл дерево со всех сторон и поначалу не знал, за что схватиться, чтобы залезть, но приближающиеся собаковолки заставили вгрызться в ствол чуть ли не зубами и медленно, но верно вскарабкиваться. Время от времени в коре замечались небольшие выемки, словно специально изготовленные для удобства восхождения. Степан хватался за уступы и старался держаться надёжно. Несмотря на обледенелость наощупь дерево чувствовалось достаточно рыхлым, что позволяло лезть без особого труда. Собаковолки остались внизу и, окружив сосну, копошились в снегу. Голодно рычали, жадно пускали слюни.

– Ха! Выкусили! Кто-то сегодня останется без обеда! – крикнул им Степан, но ощутив, как урчит в животе, поймал себя на мысли, что и самому не мешало бы поесть.

Кружилась голова, ветер едва не сдувал порывами. Резкие дуновения с трудом сдерживались пышными ветвями, сплошь заваленными снегом. Чем дальше Степан забирался, тем сильнее ощущал холод. Снегопад кружил вокруг льдистыми хлопьями, будто градовыми каплями. Колкие хвойные иголки хлестали по лицу, цеплялись за одежду, словно стремились сбросить вниз, но охвативший нутро страх вынуждал цепко держаться за каждую выемку в коре, как за последнюю соломинку.

Степан поглядывал наверх. Наблюдал за спутницей. Следил за всей её вызывающей элегантностью. Она великолепно работала ногами, а это важный женский навык. Степан замечал,

как у него над головой маячили пухлые бёдра девушки-важенки с вкраплениями белых пятнышек шерсти. Волнующими изгибами они подчёркивали всю изысканную красоту её стройных ног и вызывали глубоко в груди приятные ощущения. Выпуклая мохнатая задница спутницы не выглядела отвратительно поросшей волосами будто травником, а напротив изумляла гладко уложенной, будто коротко стриженной шерстью, выращенной с особенной заботой. Она настойчиво совращала ухоженностью, потакая самым запретным желаниям. Пышные ягодицы сжимались и расслаблялись в движениях и выглядели как чудесные свежие вишенки с коротким хвостиком стебля на венце. Карабкаясь, незнакомка широко раздвигала ноги, без всякой стыдливости позволяя снизу видеть себя всю. Степан отвлекался и едва не срывался, глядя, как её бархатный пушок промежности пикантно открывал закравшуюся в светлых волосках нежно-алую сердцевину, словно пестик белой розы в лепестках бутона. Падающий снег слепил, скрывая от глаз самые откровенные детали наготы, и затруднял восхождение, но даже в подобной непогоде Степан не упускал возможность любоваться внешностью незнакомки. Его сводили с ума округлости девушки-важенки, как ни что другое они притягивали и влекли за собой. Манили неповторимыми женскими ароматами, но в то же время отвлекали, заставляя позабыть о всякой осторожности. Степан не мог устоять против зова этой порочной, жгучей красоты. Так и хотелось важенку догнать и пощупать за все подставленные прелести. Между ног чувствовалось тугое напряжение. Внутри нарастало вулканическое возбуждение, кружило голову, согревало тело и перехватывало дыхание. Степан сперва думал, что это от высоты, но чем больше смотрел на спутницу, тем сильнее убеждался в обратном.

– Так Степан возьми себя в руки. Голой бабы что ли не видел? – отводя взгляд, спрашивал себя он. – М-м-м-м, а как она пахнет! Нет, такой не видел. Ну, сейчас точно не время её рассматривать. Главное не у-п-а-а-а-а-с-т-ь!

Степан находился на высоте пятиэтажного дома и, держась за уступы в коре ещё крепче, продолжал забираться всё выше. Важенка время от времени останавливалась и манила за собой взмахами руки и тревожными блеющими звуками. Лезть напрямик вверх тяжело и опасно. Спутница двигалась зигзагами, а Степан за ней старательно повторял. Снегопад усиливался. Превращался в студёную метель. Глаза забивались снегом, их становилось больно открывать. От холода щипало кожу на лице. Сердце колотилось в груди, отбивая барабанную дробь волнительных ударов. Степан не знал, куда лезет. Восхождение давалось всё труднее. Оставалось надеяться, что сексуальная незнакомка знала, что делала. Её внешний вид как нельзя подбадривал, влёл за собой и придавал сил, рождая второе, а затем и третье дыхание. Она стимулировала вульгарно обнажённым телом. Степан не хотел упускать из вида спутницу ни на миг. Думал, что вскоре они взберутся на толстую ветку, усядутся рядом поудобнее, прижмутся друг к дружке и согреются в тёплых, чувственных объятьях. Он с радостью утонет в её нежной бархатистой шёрстке, укроется с головой, словно шелковым покрывалом под навесом мягкого балдахина хвойных куст и растворится в сладких, одурманивающих ароматах.

Густое сплетение ветвей открыло большое, чуть ли не в два человеческих роста, круглое дупло. Девушка-важенка стремительно нырнула внутрь и пригласила вслед за собой.

– Та-а-а-к. Ну конечно. Огромное дупло. Разумеется. Почему бы нет?! – иронизировал Степан.

Мышцы жгло огнём усталости, тело не слушалось, содрогалось от холода, становилось неуклюжим и едва управляемым. Лезть по дереву, пробиваясь сквозь ветки и снегопад, становилось невыносимо трудно. От очередного резкого порыва Степан сорвался левой рукой и, едва не упал, оставшись висеть на одной правой. Он громко заорал, стараясь вновь ухватиться, но соскальзывал даже самой прочной хваткой. Под весом тела пальцы разгибались, слабели, обещая вот-вот разомкнуться. Девушка-важенка откликнулась на крики, высунулась из дупла и свесила ногу. Степан нашёл в себе последние силы за неё ухватиться, подтянуться рывком и забраться внутрь. Он плюхнулся в густой покров из сушёных листьев, спрессованных всюду

плотным настилом вместе с пухом, перьями и высохшей травой. Степан остался лежать в оцепенении, едва запомнив мимолётные ощущения от соприкосновения с крепкими соблазнительными голеньями спутницы и её упругими бёдрами. Ягодицы незнакомки он воспринимал чуть ли не самыми приятными, какие только трогал в жизни. Для него даже недолгие касания к ним стали лучшим подарком, достойной наградой, ради которой стоило продолжать борьбу за выживание.

– С-с-с-спасибо. Ты меня спасла, – отрывисто, сквозь одышку поблагодарил Степан.

Незнакомка презрительно фыркнула, выпустив из ноздрей пар, развернулась и принялась копаться в дупле.

В нос ударил резкий запах затхлости, вступивший в противоборство с насыщенными сладкими ароматами спутницы. С непривычки затошнило, но обоняние вскоре притупилось. Степан приняхался, распластался и перевёл дыхание, с трудом веря, что остался жив. Он скинул перчатки, ботинки, снял шапку и громко рассмеялся. Важенка покривила носом от резкого запаха носков и бесцеремонно лягнула Степана копытом в бок. Удар пришёлся лёгким, но и того хватило, чтобы привести в чувства и обратить на неё внимание. Незнакомка шевельнула ушками, будто к чему-то прислушалась, подставила указательный палец к губам, резко шикнула и заставила смолкнуть. Степан растёр ладонями лицо и сел, опёршись о стену. Он старался прийти в себя и отдышаться. Гудела голова, стучало и пульсировало в висках, а в ушах стоял высокий звон. Со Степана семь потов сошло, он чувствовал себя так, словно стал финалистом олимпийского забега. Остался вымотан побегом, а незнакомка лишь приняла слегка потрепанный вид и немного запыхалась.

Дупло оказалось глубоким и, несмотря на стоявший снаружи полярный день, довольно мрачным. Липкие, покрытые тёмным воском стены поглощали свет. Степан достал из кармана куртки люминесцентный фонарик и зажёл по центру. Яркие лучи озарили полумрак и осветили влажные, поросшие мхом стены. Всюду бугрились плавные уступы и змеились извилистые ложбинки, будто следы от стекающих ручьев густой древесной смолы.

Внутренний простор позволял держаться вдалеке от задувавшего студёного ветра и разбушевавшейся метели. Дыра входного отверстия видимо намеренно кем-то старательно выточена так, чтобы снег снаружи не попадал. На мгновение Степану даже подумалось, что незнакомка привела его к себе в жилище, но он быстро развеял подобные предположения. Кем бы она ни являлась, вряд ли подобные особи жили на деревьях. Вокруг не наблюдалось предметов обихода и остатков шерсти, а с важеньки она сыпалась, как песок. Наверное, у её вида сейчас линька.

Дупло показалось Степану самым тёплым и уютным местом во всём лесу. Тут можно чуть ли не по пояс закопаться в жухлый настил и сидеть, прижавшись к стеночке, небольшой лиственной кучкой сколь угодно долго. Хотя до весны в спячку впадай, что, похоже, спутница и собиралась сделать. Шурша листьями, она подгрела под себя густой покров и, спрятавшись по пояс в противоположной стороне, уставилась на Степана. Сверху незнакомка перед ним застыла в неглиже и сидела, боясь шелохнуться. Почувствовав густую вспенившуюся вокруг губ слюну, важенька вытерлась и облизнулась. Взмыленная, как лошадь, она вжималась в стену, и молчала, унимая сбитое дыхание.

В дупле ощущалось не так тепло, как в чуме, но Степан всё же на удивление быстро отогрелся и снял верхнюю одежду, оставив ледоруб висеть сбоку на поясе. Девушка-важенька, напротив, дрожала, словно от мороза. Её бил озноб, заставлял всякий раз вздрагивать, но Степан не думал, что незнакомка тряслась именно от холода. Будучи одетым в зимнюю куртку с вещевого рынка, он и сам-то весь взмок от погони, чего уж говорить о том, как согревал спутницу природный мех её роскошной шубки. Наверняка после пробежки ей было особенно тепло. Незнакомка смотрела дико, затравленно, с опаской, словно боялась Степана больше, чем преследовавших волков. Она пугливо тряслась, старалась спрятаться, рогами защититься.

Шёрстка на ней выглядела взъерошенной, вспотевшей, но, несмотря на преследование и падение, оставалась не испачканной, будто налипший снег бережно её очистил.

– Вот, надень, – Степан протянул спутнице куртку.

Важенка отстранилась и поёжилась. Она держала ушки прямо вдоль рогов и вертела ими во все стороны, как локаторами, улавливая все шорохи и звуки. Незнакомка снова заметила висевший у Степана на шее амулет. Это её озадачило и вновь привлекло внимание.

– Ты боишься? Пожалуйста, не бойся. Не испугалась волков, неужели я страшнее? – мягким, услужливым тоном спросил Степан, почти уговаривая.

Девушка-важенка выражала настороженность, бросая быстрые взгляды на оберег и ружье.

– Мы вас обижали? Да? Но я не такой. Мы больше не будем. Я не допущу! – уверил Степан.

Он снял с плеча винтовку и отложил в сторону, но ледоруб оставил. Беспокойства у спутницы он не вызывал. Она проводила оружие недоверчивым взглядом и дернула ушками.

– Я журналист, понимаешь? Ищу что-нибудь интересенькое, необычное и рассказываю людям, – говорил Степан, приближаясь, – а ты необыкновенная. Уникальная. Жаль не можешь о себе рассказать. О природе, о лесе и его загадках.

Незнакомка широко улыбнулась в зубы, словно всё поняла, но тут же подавила радость, изменила выражение мордашки и вновь приобрела озадаченный и напуганный вид. Степан хотел снова отдать ей куртку, но девушка-важенка брезгливо отшвырнула её в сторону, зарычала, сердито оскалилась и, наклонив голову, выставила вперёд рога.

– Воу-воу-воу! Полегче! – стараясь не повышать тон, посторонился Степан.

Он помнил их остроту и не хотел на себе испытать. Степан взял верхнюю одежду и заметил, как воротник испачкали засохшие капли древесной смолы. Он огляделся. Всюду на стенах сосна пускала густой вязкий сок.

– Ах вот оно что! Сейчас мы всё п-р-о-в-е-е-р-и-м, сейчас всё смастерим...

Степан вспомнил слова чудака на перекрёстке возле Хымвынара, вымазался в древесной смоле и вновь потянулся к важенке. Это её привлекло, развеяло страх и заметно расположило. Она приветливо улыбнулась, свыклась с запахами и позволила ближе подмоститься. Незнакомка потянулась к оберегу, а Степан подошел к ней на расстояние дыхания и, осторожно взял за руку. В ответ девушка-важенка аккуратно прикоснулась к его ладони и сплелась со Степаном пальцами, бережно сомкнув их в замок. Её неповторимо гладкая шёрстка чувствовалась влажной и маслянистой, но в то же время нежной, словно бархатной.

Вблизи знакомка оказалась соблазнительно хороша. Она выглядела сногшибательно. Степан радовался, что сидел, если бы стоял наверняка бы мог упасть. Казалось ещё немного и он ослепнет от её великолепия. Всем видом девушка-важенка приковывала взгляд и разжигала в груди сердце. Степан смотрел, стараясь как можно ярче запечатлеть в памяти весь её безупречный облик. Кареглазая, раскосая, скуластая, с чуть вытянутой остроносом как у козули мордочкой, длинными каштановыми волосами и густыми чёрными бровями. Они сходились у переносицы острым клином и выглядели из-под прямой чёлки тёмно окрашенными росчерками. Незнакомка обладала обжигающей красотой, способной привести к страданиям. Необыкновенные чайные глаза выражали слабость и ранимость. В свете фонаря они выглядели ещё более необычными, ярко-янтарными, даже жёлтыми, будто горели в полутьме вставленными линзами. Степан боялся её взгляда, так словно за всей излучаемой им ранимостью таилось что-то опасное, нечто жестокое и безжалостное. Пугающее, зловещее, не поддающееся объяснению, лишь отражающее искусную маску, олицетворяющую доверие. Но ослепительные контуры точёной фигуры спутницы, её миловидные черты смазливой, симпатичной мордашки заставляли позабыть о любых подозрениях и всякой осторожности, увлекали в мир чарующих фантазий.

Незнакомка осмелела и принялась Степана обнюхивать. Она настырно забиралась носом в волосы, щекотала подмышками, тыкала в грудь, так, словно старалась понять, с кем имеет дело. Глубокими, частыми вдохами спутница как ищейка втягивала самые скрытые запахи. Наверняка узнавала о Степане больше, чем он сам.

– Ой! Будет тебе! Перестань!

Степан елозил, сжимался от щекотки. Так ни одна девушка ещё к нему не приставала. К слову сказать, на памяти он вообще не пользовался у дам популярностью. Незнакомка не останавливалась, обнюхивала одежду все настырнее, словно воспринимала её частью человеческой кожи. Важенка чуть ли не хрюкала и вытирала об ткань увлажнённый соплями тоненький вытянутый носик. Она будто нашла в запахе Степана новую страсть, обрела удовольствие слышать необычный человеческий аромат. Незнакомка издавала непонятные блеющие звуки, помогала себе руками, обволакивая вкусными ароматами телесного тепла, едва не забиралась под свитер и в штаны, продолжала нападki и даже Степана облизывала. Такое её отношение откликалось у него где-то глубоко внутри интенсивно нарастающим возбуждением. Степан пугался. Он был не готов принять нахлынувшие чувства и тем более их проявить или как-то выразить. Старался от проворной спутницы отстраниться, подавить вспыхнувшее желание, но она всё упорствовала так, будто собиралась его сейчас съесть.

– Ну хватит! Прекрати! Копытное недоразумение!

Степан не знал, как остановить негодницу и позволил себе незаметно ущипнуть её за задницу, вырвав клочок шерсти. Незнакомка взвизгнула, замахнулась и как следует отвесила Степану оплеуху. Умело, по-воспитательски, с оттяжкой так, что в месте удара долго обещал ныть ушиб.

– Ай! Больно же! – воскликнул Степан.

Девушка-важенка клацнула ему в лицо зубами, снова замахнулась и ударила по шее.

– Будет тебе! Какая ты злока! Ты меня вынудила! – отодвинулся Степан. – Надо ж было что-то с тобой делать, – пробормотал он обидчиво.

Спутница снова занесла руку и хотела повторно отпустить подзатыльник, но видя, как Степан прикрывался, остановилась и рассержено фыркнула, словно Црын на стоянке ненцев после поглаживаний.

– Ладно, ладно! Заслужил! Извини, – оправдался Степан.

Незнакомка вздёрнула ушки торчком, его от себя оттолкнула, заблеяла в лицо и издала ряд неразборчивых звуков, будто недовольно выругалась. У неё изо-рта пахло терпким цветочно-травянистым запахом. Сразу же захотелось попробовать на вкус её тёмные, повторяющие цвет сосков нежные губки, словно вымазанные в шоколадной помаде, но Степан не поддавался искушению. Подумал о последствиях. Девушка-важенка выдрала из густого подшёрстка на груди небольшой клочок меха и показательно швырнула в Степана. Он зажмурился и сдул осевшие на одежду ворсинки. Поняв, что спутницу лучше не сердить, Степан вновь намазался липкой хвойной смолой, сел в противоположный угол и достал из кармана карандаш и блокнот. Он принялся подробно делать записи наблюдений, зарисовки эмоций загадочной спутницы, особенности их выражения и соответствующие им положение ушек. Учился хотя бы частично её понимать.

* * *

Снаружи бушевала метель, от чего в листву хотелось закутаться ещё глубже и окружить себя терпкими прелыми запахами. Степан сидел и смотрел на девушку-важенку, как на диквинку, не отводя глаз. Если бы кто-нибудь однажды ему о ней рассказал, то он наверняка бы не поверил. Подумал, что так не бывает или может привидеться только во сне, а сейчас она – это чудесное создание – возникла прямо перед ним наяву и была живым воплощением самых

сладких сновидений. Каждый день Степан вставал на работу, ездил на автобусе, возвращался по дороге домой, вёл обыденную жизнь, погрязая в будничной суете. С течением времени ему всё больше надоедала такая одноманитность. Бесконечная однообразность угнетала. Он мечтал о большем, но сейчас не понимал, как угораздило его во всё это вляпаться, да так, что кому рассказать – никто не поверит. Конечно, сама по себе поездка в Заполярье особенна, но Степан не мог и подумать, что его одиссея окажется настолько невероятной. Он не представлял, что попадёт в такую передрыгу и встретит столь удивительную лесную обитательницу. Всё бы хорошо, не находишь он на краю гибели в заснеженной таёжной чаще. Видимо, такова цена обретения его золотого руна. Только вот найденная девушка ценилась намного дороже любой драгоценности. Верно говорили – полевая работа до добра не доведёт. Наживёт на задницу приключений, да таких, что потом не откажешься, но Степан тайно их ждал, нестерпимо жаждал и вот, когда они случились, оказался к ним не готов. Растерян, напуган и беспомощен. Желая привнести в жизнь разнообразия, он даже не думал, что попадёт в такие переделки.

– Что ты за зверь такой? – делая зарисовки в блокноте, спросил у спутницы Степан.

Она сидела и наблюдала, как отсветы фонаря мерцали бликами на белых пятнышках шерсти, переливались, словно калейдоскопом ночника, вычерчивая на меху завораживающие узоры. Незнакомка с ними играла, хлопала себе по ногам, шлёпала по бёдрам, будто убивая назойливых комаров. Она выражала неподдельный интерес, таращилась во все глаза, подёргивала ушками. Старалась поймать лучики, словно солнечные зайчики, но как ни пыталась, всякий раз они ускользали от её проворных рук.

– Не шевелись, а то выйдешь плохо. Это всего лишь фонарик, – улыбнулся Степан, но девушка не послушалась и продолжала вести себя всё активнее.

Первые наброски получались так себе, кривовато и небрежно, но после небольших усилий картина приобрела контуры узнаваемого силуэта. После лазания по дереву рисовать оказалось сложно. Пальцы не слушались. Хорошо не могло бы получиться, но отогрев руки Степан всё же попытался преодолеть трудности и изобразить спутницу в достойной красе.

Пятнистой важенке забава вскоре наскучила, и она села насупившись, изредка чесалась и поджимала губы. Их тёмный, блестящий цвет отливал тонами земляничных ягод. Незнакомка молчала и дулась, видимо, поняла оптический обман и расстроилась, что не сумела на себе ничего поймать, но даже в недовольстве она выглядела великолепно. Несравненная красавица в первозданном природном естестве. Степан не мог понять, почему его так лихорадило от одного её вида. Может, с ним самим что-то не так? Он не понимал, отчего, знакомка ему так нравилась. Словно эта звериная девушка источала мускусами некие неизвестные феромоны, действию которых невозможно противостоять. Подобно пираньям, они пожирали разум и душу, превращая сознание в руины, чтобы создать нечто совершенно новое, в корне меняющее внутреннюю суть. Всего несколько вдохов и тело Степана наполнялось похотью и мучительным вожделением к сидевшей напротив нагой девушке. Ещё немного и, казалось, он не выдержит порыва и захочет впиться в её соблазнительные губки горячим поцелуем.

Незнакомка являлась наполовину животным и должна была вызывать отвращение, но напротив, вся её человеческая красота, просматривающаяся сквозь покровы шерсти, ощущалась особенно остро. Подчёркнутая дикостью и непокорностью лани её людская натура угадывалась сквозь звериный облик, была обольстительно притягательна. Длинноногое воплощение оленьей грациозности и триумф женского изящества – в ней невероятным образом слились воедино все выразительные особенности неповторимого очарования сопоставимого с гипнотическим соблазном великолепия лесных нимф из древних мифических сказаний. Незнакомка являлась будто намеренно обращённой из девушки в важенку. Была словно принцессой, заколдованной какой-нибудь неумелой ведьмой, оставившей заклятьем в обличье жертвы узнаваемые человеческие черты.

Степан приходил в замешательство. От вида спутницы он чувствовал себя непривычно. Был сам не свой и пугался этого необычного состояния. Степан не знал, как реагировать на такую красоту, и хотел понять, была ли его новая попутчица также прекрасна внутренне, как и внешне? Чьё естество наполняло её душу – животное или человеческое? Ответа себе на эти вопросы Степан дать не мог, но клятвенно обещал выяснить. Глядя на спутницу, он испытывал смешанные чувства и вопреки разуму покорялся воле инстинктов. Степан никогда не замечал за собой подобных наклонностей, но в незнакомке было столько вызывающе пахнущей, откровенно обнажённой женской натуры, что её ни в коем случае нельзя было игнорировать. Даже несмотря на животные начала, она раздвигала границы любых запретов и отвращений. Важенка непреодолимо искушала восхитительным телом, могла кого угодно поработить собственным естеством. Она не оставляла Степана к себе равнодушным. Не такая, как все, иная, не похожая на других девушек, обладала необычным мистическим величием. Привычные глазу несовершенства фигуры спутницы скрывались гладким покровом шерсти, утончённо ограняющей крепкий, мускульный силуэт, от чего всё её туловище казалось непривычно идеальным. В ней не было нестройностей. Девушка-важенка выглядела безупречно, без единого изъяна. Только редкие склоки меха по бокам бросались в глаза, как мелкие сколы на высеченной из мрамора фигуристой статуе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.